ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!



№ 90 (2473) | Среда, 10 ноября 1948 г. | Цена 40 коп.

Торжество советского народа

Советский народ торжественно и радостно отпраздновал тридцать первую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Вместе с ним историческую дату рождения нового мира — мира братства трудовых людей, мира справедливости и свободы — отпраздновали трудящиеся всех стран.

Великая историческая миссия выпала на долю русского рабочего класса, на долю народов нашей страны — первыми приступить к переустройству мира на новых, социалистических началах.

«Мы вправе гордиться и мы гордимся, — писал Ленин в четвертую годовщину Октябрьской революции, — тем, что на нашу долю выпало счастье **начать** постройку советского государства, **начать** этим новую эпоху всемирной истории».

Мы вправе гордиться и мы гордимся тем, что на протяжении тридцати одного года неуклонно следуем по пути, указанному великим Лениным, успешно осуществляем под руководством товарища Сталина ленинские предначертания. Великое и могучее социалистическое государство, выдержавшее историческую проверку на протяжении тридцати одного года, прошедшее через горнило тягчайших испытаний, стоит во главе прогрессивного человечества. Оно показывает всему трудовому миру единственно правильный путь к новой, счастливой и свободной жизни без эксплоататоров и тунеядцев. СССР верно служит делу освобождения человечества, пробуждая в нем веру в свои силы, подымая и воодушевляя на борьбу против капиталистического рабства.

Великое всемирно-историческое значение нашей революции заключается в том, что она вывела на арену самостоятельного исторического творчества миллионы людей, прежде порабощенных, обездоленных, униженных. Партия большевиков, Ленин и Сталин дали направление этим пробужденным силам, подняли трудовые массы на ломку старых, уродливых, отживших общественных отношений, на строительство новой, справедливой, свободной жизни.

Весь опыт Великой Октябрьской социалистической революции учит тому, что «**только** с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии **большинства** населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни» (Ленин).

Итоги минувшего, тридцать первого года существования нашего социалистического государства ярко подтверждают это предвидение Владимира Ильича. Итоги эти, подведенные товарищем В. М. Молотовым в его замечательном докладе, наполняют сердца советских людей чувством законной гордости, зовут к новым победам.

Три с половиной года отделяют нас от того исторического дня, когда советские воины водрузили знамя победы над Берлином. Срок, с точки зрения больших исторических масштабов, — небольшой. Однако, советские люди, научившиеся десятилетия уплотнять в года, проделали за это время такую огромную работу, о которой и мечтать не могут капиталистические страны.

Полным ходом идет восстановление народного хозяйства. Успешно ликвидируются разрушения, нанесенные тяжелой, разрушительной войной. Уже в этом году уровень промышленного производства превысил довоенный на 17 процентов. На колхозных полях вырос замечательный урожай, превысивший урожай довоенного 1940 года. Колхозы и совхозы еще не располагают той машинно-технической базой, какую они имели до войны, а валовой сбор зерновых культур уже достиг довоенных размеров. Успешно завершаются хлебозаготовки. Страна сейчас располагает таким количеством хлеба, которого не только достаточно для полного удовлетворения потребностей населения, но хватит и для создания необходимых государственных запасов на будущее время.

Отличительная особенность нашего послевоенного развития — неуклонное повышение качества труда советских людей.

Промышленность социалистического государства развивается на основе массового внедрения новой техники. Широкая механизация труда, создание новых отраслей машинизированной индустрии, оснащение предприятий совершенной техникой — все это свидетельствует об огромном техническом прогрессе, который является характернейшей чертой послевоенной сталинской пятилетки.

Глубокие процессы происходят в нашем сельском хозяйстве—в колхозах и совхозах. Партия организовала и возглавила могучее движение тружеников сельского хозяйства за внедрение передовой агротехники, за высокие урожаи. Чудесные результаты дало это движение уже на первых своих шагах. Нас ждут впереди еще более грандиозные успехи. Страна уверенно идет к изобилию.

Крепнущий союз науки и труда—примечательное явление наших дней. Подчинив себе стихийные общественные силы, взяв управление историей, своей судьбой в свои руки, советские люди смело решают задачу обуздания стихийных сил природы, разумного использования их в интересах человека.

Дискуссия по биологическим вопросам продемонстрировала превосходство советской науки, основанной на принципах материализма, над буржуазной наукой, прислужницей капитала и поповщины. В широких массах трудящихся стал глубоко популярным знаменитый девиз Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача». Миллионы советских тружеников претворяют этот девиз в живое, практическое дело. Грандиозен сталинский план наступления на засуху в лесных и лесостепных районах СССР. История не знает такого размаха человеческого деяния.

Послевоенный рост нашего хозяйства сказался на благосостоянии народа. Только в этом году, после успешного проведения денежной реформы, в результате принятых мер по развертыванию торговли, реальная заработная плата рабочих и служащих поднялась более, чем в два раза. Выросли доходы колхозников.

Социализм предоставил неограниченные возможности для всестороннего развития человеческой личности. К услугам работников социалистического общества — сотни и тысячи учебных заведений, где растут, зреют, овладевают высотами науки, техники, искусства культурные силы советского общества — наша трудовая народная интеллигенция. Миллион студентов учится у нас в высших учебных заведениях. Свыше 34 миллионов у нас учатся в средней и начальной школе, в техникумах. «Пусть об'явится такое капиталистическое государство, которое захотело бы потягаться с Советским Союзом в области под'ема культуры страны!» (В. Молотов).

Наша страна — страна передовой культуры, передовой науки, передового искусства. Во всех областях культурной жизни прошедший год ознаменовался успехами. Слова товарища Молотова об успехах советской литературы вызвали чувство гордости и радости у советских писателей. В нашей стране литература пользуется горячей любовью народа. Признание успехов литературы вдохновит писателей на создание новых произведений, которые должны во вдохновенных образах запечатлеть нашу сталинскую эпоху и ее героических людей.

Советский Союз находится на гребне нового под'ема. Наши люди с энтузиазмом трудятся над осуществлением сталинской послевоенной пятилетки в четыре года. Они уверены в своем будущем. Долгое время СССР был единственной социалистической страной среди злобного мира империалистических хищников. Ныне на путь строительства социализма вступили страны народной демократии. Окреп и вырос демократический лагерь, противостоящий лагерю капитализма и реакции. Во главе с Советским Союзом, закаляясь в борьбе с реакцией, прогрессивные силы мира идут от победы к победе. И тщетны усилия мракобесов, поджигателей новой войны, пытающихся остановить ход истории.

Наша социалистическая Родина вступила в тридцать второй год своего роста и преуспеяния. Под знаменем великой партии большевиков, под руководством своего вождя и учителя гениального Сталина советские люди уверенно продолжают свой победоносный путь к коммунизму.

ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ...

СВЫШЕ 4.000 ПРЕДПРИЯТИЙ ДОСРОЧНО ВЫПОЛНИЛИ ГОДОВОЙ ПЛАН

В канун праздника страна подвела итоги традиционного предоктябрьского социалистического соревнования. Одержана новая большая победа: свыше 4.000 предприятий промышленности, транспорта и строительства досрочно, к 7 ноября, выполнили план третьего года сталинской пятилетки.

Во главе могучей колонны победителей— крупнейшие промышленные предприятия Москвы, Ленинграда, Украины, Урала, Горького, других республик, областей и городов. Передовые коллективы заводов и фабрик работают, опережая время.

В столице нашей Родины — Москве рапортовали о завершении годовой программы более 400 предприятий. Среди этих заводов и фабрик — первенец сталинской пятилетки — 1-й Государственный шарикоподшипниковый завод имени Л. М. Кагановича. Он выполнил годовой план за девять с половиной месяцев. Выпуск продукции по сравнению с тем же периодом прошлого года увеличен на 58,6 процента. За девять месяцев завод дал 32 миллиона рублей прибыли. Коллективу завода «Каучук» на-днях вручено переходящее Красное знамя Совета Министров СССР. Этот завод 30 октября выполнил послевоенную сталинскую пятилетку.

Победно встретили праздник великого Октября московские заводы—имени Владимира Ильича, «Калибр», «Фрезер», «Станколит», «Комега», «Борец» и другие. Выполнила годовой план в целом промышленность Сталинского и Первомайского районов столицы.

Успешно справились с годовой программой многие заводы и фабрики города Ленина. В их числе заводы «Ильич», «Свобода», «Баррикада», Ижорский имени А. А. Жданова.

По Украине к 1 ноября насчитывалось 1.553 предприятия, завершивших годовой план. Досрочно выполнила программу 1948 года промышленность столицы Эстонии — Таллина. 59 предприятий Владимирской области раньше срока выполнили годовую программу.

Широчайший размах приобрело движение за сверхплановую экономию. Со всех концов страны поступают сообщения о том, что предприятия-передовики, досрочно завершив программу года, вносят в фонд пятилетки сверхплановую прибыль. Инициаторы этого движения, коллективы 35 столичных предприятий, в своем письме товарищу Сталину дали слово до конца года сверх плана сэкономить 172 миллиона рублей. Они уже выполнили свое обязательство. Эти предприятия внесли в счет двух московских миллиардов не 172, а 200 миллионов рублей. Трудящиеся Харькова в ознаменование великого праздника дали 200 миллионов рублей сверхплановой экономии.

В праздничных колоннах прошли герои послевоенной сталинской пятилетки — десятки тысяч рабочих и работниц, выполнивших годовое задание. В Москве только на автозаводе имени Сталина свыше четырех тысяч рабочих завершили годовые нормы.

Утро Родины

М. СВЕТЛОВ

Перед рассветом

В нашем героическом народе
Истина великая живет:
Если утро долго не приходит,
Надо торопить его приход!

Так мы поступили в Октябре
При кромешной ночи на дворе!

Знаю — скоро вся моя планета
Сможет эту истину понять, —
Сколько радости! — в лучах рассвета —
«С добрым утром!» — каждому сказать.

Ан. СОФРОНОВ

Прекраснее нет

Ты слышишь, товарищ, как родина
дышит, —
Туманы плывут у горы Недреманной.
Расходятся в поле и тают туманы,
Колхозник
куранты кремлевские слышит;
В Невинномысском прорытом канале
Рассветные зори уже заиграли,
И трактора рокот все выше и выше...
Рабочее утро встает у Дашавы,

В степях у Полтавы, в садах
Балаклавы,—
Рабочее утро советской державы —
Предвестник невиданных в мире побед!
Мартены и домны шеренгами встали
На «Азовстали»,
на «Запорожстали»,
И отразился в металле кипящем
Наш день настоящий,
Прекрасней которого нет!

В. САЯНОВ

Утро двухсот миллионов

Полоса золотого сиянья
Разгорается ярко во мгле...
Как малы нам сейчас расстоянья,—
Утро славы идет по земле.

Удивителен путь исполина:
Где пройдет — там растопятся льды,
Что ни шаг — то родится былина,
Что ни миг — зеленеют сады,

Что ни взмах — на путях эшелонов
Прозвенят, вырастая, мосты...

Здравствуй, Утро Двухсот Миллионов
На земле воплощенной мечты.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Пионерская зорька

Над страной пятилеток
восход красно-розов.
Утро этого дня,
утро будущих дней,
будто красные флаги
Октябрьских матросов,
словно красные галстуки
наших детей.

По утрам я слежу,
благодарно и зорко,
как в светлеющем небе,
бесшумно горя,
словно счастье блестит
пионерская зорька —
золотистая дочка
Зари Октября.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Страна зари

От мыса Дежнева до Львова
Шагает радостный рассвет,
И нет мгновения такого,
Когда в стране рассвета нет,—
И нет мгновения такого,
Когда бы люди не могли
Понять и знать,
что мы зажгли
Зарю и солнце жизни новой
Для всех народов всей земли.

Заря советская! Гори!
Да здравствует
страна зари!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Начало дня

Ветренно и по-осеннему сыро.
Ранний, туманный час.

...Есть такой важный кусочек мира —
Имя ему Мосбасс.
Славится вовсе он не садами.
Здесь тяжело залёг
где-то под почвою, под ногами
золото-уголек.
Неутомимо из-за него-то
здесь, под сырой землей,
дённо и нощно кипит работа,
долгий грохочет бой.

Рад героям труда сказать я:
— Здравствуй, начало дня!
Шахтеры — солнцу родные братья,
прямая его родня.
То опускаясь, то поднимаясь,
летя по стволу побед,
они производят врагам на зависть
радость, тепло и свет.

...Где-то далеко поет сирена,
Звезд хоровод погас.
В шахту спустилась дневная смена.
Скажем ей: в добрый час!

Маргарита АЛИГЕР

На восходе солнца

Первый промельк, первый голос
первого дрозда...
Вспыхнула и откололась
поздняя звезда...
Все зарделось, задрожало...
Рассвело у нас.
...А в Америке, пожалуй,
сумерки сейчас.
И клубится по Европе
реденькая ночь...
Новый день зарю торопит,
ждать ему невмочь.
Мы с тобой стоим у входа
завтрашнего дня.
Ощущение восхода
молодит меня.
Так на том и благодарствуй,
ранняя заря,
утреннее государство,
Родина моя!

Мих. ЛУКОНИН

Первая смена

Рассвет поднимается
еле-еле,
Друзья идут по делам.
Манометры на пределе
Дрожат,
припадая к котлам.
Солнце встает постепенно,
Начинается круговорот.
Сходится
первая смена
У проходных ворот.
Первая смена
приняла вахту.

Начинается новый день.
Начинается новый трактор,
Ты краской его одень!
Мартены
высоким жжением
Пышут во весь размах.
Ток высокого напряжения
Пульсирует в проводах.
Народ мой,
ты снова вызван
Новым гудком труда,
На леса коммунизма,
Близкого,
как никогда.

Платон ВОРОНЬКО

Добрий ранок

Уже світає на землі.
В хисткій імлі
Горить проміння,
І прокидається стремління
Разом з творцями на землі.

Уже летить в могутнім «ІЛ'і»
З Москви невтомний садовод,
Уже спортсмен відчув у тілі
Новий рекорд,

Уже доярка
На дзвін дійниці поспіша,

Уже в Азовськім третю варку
Герой зливае із ківша.

Вже вічний рве пучок проміння,
Лама його на гранях призм.
Так прокидається стремління
Що нас веде у комунізм.

Так прокидаються народи
В краю свободи —
Лиш на ганок
Злітае ранок.
Добрий ранок!

Красная площадь 7 ноября

Осеннее утро в Москве.

Город просыпается рано. Очень рано, едва брезжит рассвет. Еще бродит по улицам ночной сумрак. Еще желтый свет электрических фонарей спорит с утренней синевой, но столица проснулась. Хлопают двери в домах, песня слышна у ворот заводов, и весь город от самых далеких застав двинулся всем своим многолюдьем к Красной площади, к трибунам Ленинского мавзолея, к стенам Кремля.

Еще ночью на улицы и площади, примыкающие к Кремлю, стягиваются войска. Это солдаты и офицеры Московского гарнизона. Идут первые участники демонстрации, идут мальчуганы, вставшие спозаранку, чтобы увидеть, как батарейцы выстраивают свои пушки, как люди в кожаных куртках и шлемах готовят танки к торжественному параду, как молодые кавалеристы ухаживают за конями...

В ранний утренний час москвичи идут к Красной площади вместе с войсками.

Идет народ.

Идет армия.

Это их общее празднество.

Красная площадь. Сердце Москвы. Торжественна и нарядна она в утро Октябрьской годовщины. На здании ГУМа — портреты великих вождей партии и народа — Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина. И мысли тысяч людей, собравшихся на гранитных трибунах у кремлевской стены, обращены к тому, чье имя стало символом всех побед социализма, — к Сталину.

Из года в год здесь, на древней Красной площади, торжественным маршем проходят войска, олицетворяющие доблесть, славу и мощь Советской страны.

И вот опять, как всегда, открывая парад, идут колонны военных академий, и в те же мгновения над шпилями Исторического музея появляется тяжелый многомоторный самолет в сопровождении стремительных истребителей. Вслед за флагманским воздушным кораблем, эскадрилья за эскадрильей, проходят в четком строю бомбардировщики, штурмовики, истребители. Звеньями, на больших интервалах, с характерным свистом промелькнули новейшие самолеты с реактивными двигателями. Да, наша авиация достигла нового, еще более высокого класса техники и мастерства.

Прошла пехота. Промчались эскадроны кавалерии. На автомобилях продефилировали десантники-парашютисты — «небесной пехотой» прозвал их народ. В слитном строю шагали через Красную площадь пограничники, стоящие день и ночь на страже советских границ.

Отдаленный гул заводимых моторов послышался со стороны проездов и улиц, окружающих Красную площадь. В железном громе двигались новые и новые артиллерийские части, орудия всех калибров—от гаубиц до пушек особой мощности. С гордостью смотрели гости Красной площади на пушки-колоссы таких необ'ятных размеров, что их везли разобранными на три части. Могучая индустрия огня! В ней воплощен труд уральских металлургов, искусство советских конструкторов и мастеров-оружейников, в ней — надежная, родная для советских людей и грозная для врагов мощь сталинских пятилеток. Далеко за пределами Красной площади слышна стальная поступь «бога войны», как назвал товарищ Сталин советскую, прославленную во многих боях артиллерию.

На Красной площади танки! Проходят быстроходные, отлично вооруженные, лучшие в мире танки. Хорошо знакомы эти боевые машины за пределами нашей Родины: простые люди Европы с цветами встречали их в Варшаве, на Балканах, в горах Чехословакии и далеко на востоке, на улицах маньчжурских городов.

...Парад окончен, парад могучей, непобедимой Советской Армии.

Широким и вольным разливом знамен, флагов, бархата, шелка, звуками песен, оркестров и приветственных лозунгов началось шествие трудящихся столицы. Портреты товарища Сталина — в каждой колонне. Его имя — в сердце каждого советского человека.

Москва рапортует Родине о своих трудовых успехах.

Москва!

В сознании каждого советского человека одно это слово обнимает столько событий, мыслей, идей, чувств, осуществленных мечтаний, революционных традиций, что воплощается в этом слове вся наша страна, открывшая для человечества путь в будущее — к коммунизму. На языках всех народов земного шара Москва — это социализм, это счастье, это свобода.

...В колоннах праздничной демонстрации идут трудящиеся Красной Пресни, знатные текстильщицы, дающие стране сверх плана миллионы метров ткани, профессора и студенты университета, овладевающие наукой наук — ленинизмом, советские писатели, ведущие великую летопись творческого подвига народа-строителя, народа-творца.

Вьются над площадью флаги новых и новых районов столицы, и мы видим в колоннах демонстрации работников столичных заводов, фабрик, учреждений, театров, газет. Парит над морем алых знамен птица, облетевшая весь мир, — чайка, эмблема Московского Художественного театра. В гроздьях цветов виден лозунг: «Искусство на службе народа».

Идет трудовая Москва.

Время — вперед! Эти крылатые слова Маяковского ожили и обогатились в творческой практике советских людей. Вот цифры, звучащие, как слова из поэмы, — за 9 месяцев нынешнего года завод «Калибр» выполнил задание, предусмотренное пятилетним планом на 1950 год. Завод стал заводом-садом, где шумят возле цехов рощи вязов и кленов, где появились в молодых садах соловьи, встречающие пением утренние и ночные смены рабочих.

Свыше восьмисот тысяч трудящихся столицы прошли в этот день через Красную площадь. Вечером в громе артиллерийских залпов поднялись над столицей огни праздничного салюта. Площади превратились в концертные залы. В Домах культуры и в клубах гремели оркестры. Долго не засыпала Москва, и на другой день ее улицы и площади в центре, освобожденные от потока автомобилей, были заполнены веселым шествием молодежи, звуками песен, музыки, импровизированных оркестров.

В дни Октябрьских торжеств советские люди были радостны, веселы в сознании силы своей и единства, в общем стремлении вперед, к коммунизму.

В Ленинграде у Зимнего дворца

Рассекая осеннюю невскую волну, шел по реке крейсер «Аврора», чтобы традиционным выстрелом своих орудий возвестить о начале торжественного парада войск. В то же время где-то далеко громыхал на стрелках угольный эшелон. Ему дали «зеленую улицу» — право обгонять скорые и пассажирские поезда, его не задерживали на станциях, и он влетел в город с праздничным подарком ленинградцам — первым углем нового Нелидовского месторождения. Несколько часов спустя город принял сланцевый газ из Кохтла-Ярве, и четырехметровый факел многоцветного пламени возвестил о том, что в строй действующих предприятий послевоенной сталинской пятилетки вступил газопровод Эстония — Ленинград. А вечером 6 ноября люди слушали доклад Вячеслава Михайловича Молотова, слушали его слова о том, что «идея досрочного выполнения пятилетки глубоко проникла в сознание рабочего класса».

Ленинградцы опережают время. Многие стахановцы, выполнив по несколько годовых норм, жили уже в 1950 году, а то и шагнули дальше. Обычные календари были уже не по ним. Творческий под'ем рождал энергию, энергия переходила в скорость, теперь уже надо было равняться по таким людям, как Генрих Борткевич.

И вот 7 ноября, на праздничной демонстрации я увидел колонну завода имени Свердлова: она рапортовала лучшим в мире горизонтально-расточным станком на две тысячи оборотов в минуту. Мне рассказывали, что первоначально этот станок был запроектирован на полторы тысячи оборотов, но конструкторам пришлось отказаться от такой скорости после первых же рекордов своего токаря Борткевича.

Завод имени Калинина создал льняной комбайн, который убирает гектар льна в час, в то время как при ручной уборке пятнадцать человек тратят на это целый день. И пусть меня не упрекнут в бахвальстве, но и эта машина — лучшая в мире. Может быть, в праздник наши успехи становятся как-то виднее, больше бросаются в глаза, когда стоишь на трибуне и наблюдаешь этот могучий поток, эту бьющую через край творческую мысль. В городе Ленина новаторство стало законом жизни: взрывобезопасные моторы для угольных шахт, сделанные на заводе «Красный Октябрь»; компрессорные станции с маркой завода имени Фрунзе; созданный заводом «Электрик» автомат для сварки металла со скоростью 70 метров в час, работающий в десять раз быстрее квалифицированного сварщика; новый турбогенератор «Электросилы» мощностью 100 тысяч киловатт... И еще многое, многое другое, большое и малое, но всегда значительное, всегда передовое.

Я видел, как выстроилась команда на борту «Авроры», как шагали по Дворцовой площади горняки из Нелидова и строители дальней газовой магистрали. Огромная чаша площади, замкнутая аркой Генерального штаба с одной стороны и Зимним дворцом — с другой, вобрала в себя пятьсот пятьдесят тысяч демонстрантов. Шел трудовой Ленинград, выигравший еще одно сражение, гордый и строгий в своем величии, твердо запомнивший ленинские слова о том, что, отмечая каждый революционный праздник, следует прежде всего подумать о не решенных еще задачах революции. И поэтому он был весь устремлен в будущее, в завтрашний день. Он видел близкую зарю коммунизма.

И. КОЛТУНОВ

ЛЕНИНГРАД

Творческий вечер Сергея Михалкова

Вчера в Центральном детском театре состоялся творческий вечер лауреата Сталинской премии, одного из авторов Гимна Советского Союза Сергея Михалкова, — отмечалось двадцатилетие его литературной деятельности.

Открывая вечер, К. Симонов говорил об огромном воспитательном значении советской литературы для детей и об ответственности наших детских писателей перед юным поколением.

— Приветствуя Сергея Михалкова в день его юбилея, — закончил свою речь К. Симонов,—хочется пожелать новых творческих успехов стихотворцу, начавшему большую и интересную работу — вольное поэтическое переложение сказок народов СССР, баснописцу, чьи басни завоевали широкую и заслуженную известность, драматургу, пьесы которого заняли прочное место в репертуаре советского детского театра.

Центральный детский театр отметил юбилей своего драматурга исполнением отрывков из пьес «Особое задание», «Красный галстук», «Веселое сновидение» и других.

В фойе театра была устроена выставка изданий произведений С. Михалкова. Их общий тираж — около 20 миллионов экземпляров, они переведены на двадцать восемь языков народов СССР.

Горячими аплодисментами встретил зал выступление поэта, прочитавшего свои новые стихи и басни.

ТРУДЫ СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

«Труды студенческого научно-технического общества» — так называется книга, на-днях вышедшая в свет под общей редакцией доктора технических наук, профессора В. Голубцова.

В сборнике— шесть статей, посвященных новейшим проблемам современной радиотехники и телевидения. Авторы книги Л. Жигулин, Л. Меркадер, С. Попов, Е. Рабинович, Ю. Афанасьев, Ю. Лешанский — студенты Московского ордена Ленина энергетического института имени В. М. Молотова.

Студенческое научно-техническое общество Московского энергетического института создано в 1944 году. Сейчас в обществе 260 студентов.

Студенты — члены общества, работают над серьезными научными проблемами.

Членам студенческого научно-технического общества Энергетического института предоставлены прекрасно оборудованные лаборатории и обширная библиотека. Студенты пользуются консультацией крупнейших ученых-энергетиков.

Павел НИЛИН

НАШЕ

ЗАМЕТКИ ИЗ БЛОКНОТА ПИСАТЕЛЯ

1.

Некоторые буржуазные деятели, особенно из разряда ревностных служителей американского желтого дьявола, все чаще жалуются на нашу советскую пропаганду. Великобританский прокурор Шоукросс, например, недавно так прямо и признался, что его сильнее всего угнетает именно советская пропаганда. Однако, едва ли эти деятели и впрямь не понимают, что пропагандой они называют нечто несоизмеримо большее. Ведь самый факт существования нашего государства сильнее всякой пропаганды. А этот факт невозможно замолчать!

Никому не удастся замолчать того, что в государстве нашем живут замечательные люди. С виду часто совсем простые, скромные, рядовые, обыкновенные, они способны сплошь и рядом совершать необыкновенные дела, не требуя за это ни почета, ни славы, ни каких-то видных должностей в государственном аппарате. Это особые, новые люди и делами, и самой жизнью своей, — делами и жизнью, а не словами, — без нарочитости пропагандирующие идею справедливого устройства мира. Это люди особой закалки, прошедшие многие испытания, умудренные опытом, проникнутые благородством, вобравшие в личную жизнь свою интересы всего человечества и готовые постоянно служить ему примером и надеждой.

Однако, если бы не было Великой революции, если бы у руководства не стояла наша большевистская партия, перестроившая всю нашу страну, люди эти новые и не появились бы вовсе. И Россия немотствовала бы во тьме. Вот тогда прокурор Шоукросс и его далекие и близкие хозяева были бы вполне довольны.

Но жизнь на земле развивается, к счастью, не по законам, которым служит прокурор Шоукросс. Живые люди стремятся не к прошлому, а к будущему. И в нашей стране это стремление вперед присуще каждому гражданину.

Можно у нас в толпе на улице остановить любого человека. И несмотря на то, что человек этот по паспорту и прочим документам окажется рядовым работником, — колхозником, рабочим, служащим, — история его жизни, его рядовой жизни может послужить предметом литературы или, если угодно, пропаганды, без всякой выдумки, даже в таком виде, как она будет изложена собеседником.

2.

Так, на станции Проскуров, на Украине, в железнодорожной сутолоке, в шуме передвижения сотен спешащих людей нам случайно встретилась колхозница Евфросинья Семеновна Каячко. Пожилая эта женщина ничем не отличалась от сотен других — ни внешностью своей, ни занятиями. И только одна черта в ее биографии была не совсем обычная. Она два года пробыла в плену у немцев, бежала из плена, и рассказ ее об этом прозвучал в ней самой оживление только одной своей деталью.

— Все рассказывать неинтересно, — говорила она.—Все и так уже знают, как там было. Я всегда вспоминаю только, как бежали мы из немецкого плена. Три женщины нас было и одна девочка. Вот бежим мы так день и ночь. Днем-то, правда, не сильно бежим. Отдыхаем, прячемся. А уж ночью бежим во-всю. Добежали мы так аж до самой Франции. И тут вдруг обратно нас в плен берут, теперь уже французы-партизаны. А командир у них такой молоденький, курчавый. Мы ему и по-немецкому об'ясняем, и по-французскому, какие слова мы узнали в плену. А он нам так просто говорит по-русскому: «Садитесь, говорит, бабочки, очень я рад вас видеть». Оказывается, он есть тоже наш русский советский красноармеец, который убежал из немецкого плена, собрал вокруг себя разные народы и воюет. После мы еще несколько таких встречали...

И женщина, много страдавшая, рассказывая об этом, озарялась светлой улыбкой. О горестях своих личных, о том, например, что в плену она схоронила двух своих детей, она особенно не распространялась. Заслуг своих в партизанском отряде она также не преувеличивала.

— Я там прачкой служила у них, в партизанах, — говорила она.—Ну и пищу тоже иногда готовила. Правда, они меня еще стрелять учили.

Как бывалый человек, — государственно, солидно,—она оценивала людей, увиденных за границей, и сравнивала их с нашими.

— Ведь кого-кого только не перевидала, — снова говорила она.—И все народ различный. Но только одна повадка у них у всех одинаковая. Какого иностранца ни встретишь, каждый говорит: «У меня». У меня, мол, то-то было, я, мол, так-то жил. И все больше назад оглядываются. А наши всегда говорят: «У нас», и все думают не только о том, что было, а больше о том, что будет. И наши как-то во все вникают, будто каждый отвечает за все дела, за весь народ.

3.

Действовать так никто, конечно, рядового человека не заставляет. Никто не поручает, допустим, солдату заниматься пропагандой. Но никто, разумеется, не может ему и запретить думать и действовать так, как подсказывают ему его чувство гордости за свой народ, его сознание, его представление о своем государстве.

В одной стране, воевавшей против нас вместе с Германией, я видел наших солдат, после боя остановившихся на ночлег в большой деревне. Навстречу им вышли крестьяне побежденного нашей армией государства, крестьяне полуголые, босые, вконец разоренные войной. Они не испытывали ни вражды, ни страха перед нашими солдатами. Они только беспрерывно кланялись и смотрели с любопытством на этих советских русских, лавиной двинувшихся на разгром Германии.

Вечером перед группой чужих крестьян стоял наш старшина Щеглов Ефим Иннокентьевич, сибиряк, колхозник, и, сокрушенно вздыхая, разглядывал своих босых собеседников.

— Это, что же вы, мужики, в таком виде? А? — спрашивал он крестьян. И местный переводчик тут же переводил:— Как же это вы решились воевать против нас при такой оснастке и тем более сами босиком?

— Вы, господин старший русский солдат, может быть, тоже из крестьян? — спросил переводчик.

— Ну, да, — подтвердил старшина.— Я не только из крестьян. Я самый крестьянин и есть. Но я не просто крестьянин. Я колхозник. И вот глядите. Я тут воюю, и три брата у меня воюют. А супруга пишет мне из дому письмо, что она лично внесла деньги на танк. Значит, выходит, я участвую в этой войне со всем своим семейством. И так же у нас другие участвуют...

Перед растерянными чужеземными крестьянами стоял в форме солдата как бы посол могущественнейшего государства, никогда, однако, не пытавшегося злоупотреблять своим могуществом во вред другим народам. И этот солдат с автоматом на груди, пришедший дорогой войны, был все-таки послом мира, желающим и сейчас установить добрососедские связи с людьми чужой земли.

Крестьяне молча смотрели на старшину. И старшина, наконец, сказал:

— Есть на свете два слова: «мое» и «наше». И у нас, скажем, это разные слова. А у нас они накрепко связаны в одно: без «моего» нет «нашего», и без «нашего» нет «моего». Вот тут и есть корень нашей силы. И мы этой силой своей еще не раз удивим весь мир...

4.

Весь мир удивляется сейчас быстроте, с какой после войны народ наш восстанавливает свое хозяйство. Когда, допустим, Лондон все еще не может оправиться после разрушений, когда на многих улицах его все еще, как на кладбище, воет ветер в пустых коробках бывших жилищ, — улицы наших, пусть наиболее пострадавших от войны, городов с каждым месяцем приобретают вид, во многом по красоте своей превосходящий даже довоенный облик.

Кто видел, например, Донбасс, об'ятый пожарами в дни освобождения, кто прошел по еще горячему камню его развалин, тот не сможет сейчас не испытать чувства гордости за свой народ, за свое государство, обозрев заново воссозданные заводы и шахты, жилые корпуса и общественные здания. Ведь главной улицы в городе Сталино почти не было. Она сгорела, и зарево ее пожаров освещало наши войска, вступавшие в город. А сейчас пройдите по этой улице или по любой другой, и вы увидите, как исцеляются тяжелые раны, нанесенные войной.

Государство отпустило деньги, машины, материалы, выделило рабочих, мастеров, специалистов. Государство наметило твердый план восстановления. Но можно спланировать материалы, деньги. Однако дело не только в плане, а в духе народа, в его душевном под'еме. А именно этот под'ем и превосходит все ожидания. Не только шахтеры, не только квалифицированные рабочие тяжелых и точных профессий, но и люди всяких ремесел и искусств, сапожники и портные, парикмахеры и домашние хозяйки и старики-пенсионеры, все—положительно все — включились в восстановительный процесс, в соревнование в труде. Включились не только по линии своего основного ремесла. Нет, парикмахер по доброй воле, когда это требовалось, начинал месить глину, подносить кирпичи, артист помогал высаживать деревья, студент принимался столярничать, школьники выдергивали из старых досок и выпрямляли гвозди, чтобы снова их пустить в дело.

Экономия — это слово владеет сейчас сердцами людей. Все, что можно,—следует сэкономить, чтобы убыстрить ход строительства. Но вдруг происходит вот такой случай.

На одной из площадей сооружают огромный, многоэтажный дом. Четыре этажа уже возведены. Транспортер с монотонным шелестом подает кирпичи на пятый этаж. Лента транспортера чуть выгнулась, и кирпичи, изредка срываясь с ленты, падают на землю. Падают и разбиваются.

Мимо идет старик с тросточкой.

— Это вы, что ли, подаете кирпич наверх?—спрашивает он ребят-ремесленников, работающих у транспортера.

— Ну да, мы подаем, — смеются ребята. — А в чем дело?

— А в том, что вас хорошо бы судить за такое безобразие, — говорит прохожий.

Веселые ремесленники чуть встревожены. Может, это какой-то инспектор стоит перед ними? Нет, это не инспектор, это просто прохожий. Но он способен не хуже инспектора учинить тут следствие по поводу порчи и гибели народного добра. Он может написать в газету, побеседовать с начальником строительства, позвонить в городской совет.

5.

Прохожий подсчитывает разбитые кирпичи и доказывает, что ими, если бы они не были разбиты, можно было бы выложить весь карниз. Он уличает строителей в тягчайшем преступлении. Ведь глину копают, возят, месят, прессуют, обжигают, укладывают и доставляют на строительство десятки, сотни, тысячи людей. Государство вкладывает в это дело деньги, материалы. Прохожий несколько раз произносит это слово — государство. Он поднимает этот случай с разбитыми кирпичами на принципиальную высоту.

И вот это желание всякому делу придать государственную значимость, всякое, пусть самое мелкое, дело представить в пространственном развитии, включить его в общий великий процесс всенародной борьбы — есть, может быть, одна из самых драгоценных черт в характере наших людей. Причем черта эта, в сущности, уже не новая теперь для нашего советского общества, в последнее время, в годы послевоенной сталинской пятилетки проявляется с особой выразительностью.

Все чаще цифры, планы, сметы и чертежи интересуют не только бухгалтера или инженера, но и рядового рабочего, желающего подсчитать, оценить и взвесить свой трудовой вклад в общий народный котел, желающего добиться большего эффекта в своем труде. Все чаще рядовой рабочий, рядовой гражданин с высоты своего рабочего места старается глазами мастера обозреть дела своих, пусть самых далеких, смежников.

Так наше общество создает свои неписанные законы. Так общество поднимает каждого из своих представителей на более высокий уровень идейности. Так общество воспитывает, прививая каждому чувство ответственности за дела всего коллектива, всего общества, всего государства.

6.

После дневной смены перед сумерками мы сидим на завалинке шахтерского дома на окраине Макеевки, в Донбассе. В садике доцветают последние осенние цветы. Скоро наступят холода. Переменчивый ветер то дохнет предзимней свежестью, то опять повеет теплом. Потемневшее к вечеру небо вдруг озаряется розовым отсветом пламени. Вспыхнет, зардеется и снова потемнеет. Это на металлургическом заводе выпускают из домны шлак или льют металл.

Предвечерняя тишина и отдых располагают к размышлению. И Терентий Сидорович Малодед, старый шахтер, побывавший и саночником в дореволюционной шахте, и крепильщиком, и солдатом на двух войнах, говорит о жизни:

— Удивительно, как быстро мы живем. Удивляться только не умеем, что ли. Или некогда нам удивляться. Ведь сколько всякого на моих глазах случилось и переменилось. Словно я сто лет живу, а как будто я и не старый еще. Не чувствую я старости-то...

Он вспоминает шахту, в которой, кажется, недавно еще на карачках приходилось ползать. И вот скоро уже в шахту можно будет хоть в праздничном пиджаке входить. Так в ней перестраивается вся организация: механизмы начинают выполнять всю тяжелую работу. Человеку останется только работать головой и кое-где помогать голове руками.

— Дух захватывает, когда подумаешь, сколько еще будет красивых перемен, — говорит Малодед.

Начинает накрапывать дождь. И мысль свою Малодед продолжает развивать уже в домике, за чайным столом.

— Главное, человек у нас изменился неузнаваемо, — говорит он. — Я уж про молодых не говорю. Они совсем не такие сейчас, как мы были в молодости. Я про себя скажу. Вот, скажем, дождь идет или холода придвигаются. Ведь все эти явления природы и раньше были, скажем, до революции. Но раньше я, шахтер, изначальный рабочий, городской человек, о чем во время дождика или перед зимой думал? О себе, об одежде своей, об обуви для семейства. А сейчас я, как всякий другой в государстве нашем, думаю не только об одежде и семействе, но еще и тревожусь: а полезный ли нам этот дождь для нашего урожая, не погубят ли ранние холода посевов? Почему это так? Ну, скажите, вот вы, писатель? — И, не пожелав ждать моего ответа, сам ответил:— Потому что народ мы теперь особый, по-человечески воспитанный. И отсюда наша сила. Словом, как в песне поется: наша сила, наша воля, наша власть...

* * *

Я пишу эти строки, может быть, в час, когда Вышинский поднимается на трибуну во дворце Шайо, на холме Трокадеро. Он говорит от имени нашего правительства, от имени нашего государства и народа. И в народе нашем, в могучем нашем государстве его слова подкрепляет трудом своим и всей душевной силой своей каждый советский человек.

Дурачки из Берлина, о которых говорил товарищ Сталин в 1941 году, не поняли в свое время, из чего слагается наша сила, и горько поплатились за свое злобное невежество.

Мы хотим мира. Хотим не от слабости, а именно от силы!

Мульк Радж АНАНД

ПУСТЬ ВЕЧНО ЗЕЛЕНЕЕТ ВАШ САД!

Мульк Радж Ананд — один из крупнейших писателей современной Индии. Его роман «Кули», переведенный на русский и многие другие языки мира, принес автору широкую известность. Перу писателя принадлежат также романы «Неприкасаемые», «Серп и шпага» и другие произведения, в которых он рисует тяжелую, бесправную жизнь трудящихся индусов. М. Р. Ананд—участник Вроцлавского конгресса деятелей культуры в защиту мира. Давний друг Советского Союза, он в этом году впервые осуществил свою мечту — побывать в стране социализма. Мульк Радж Ананд приехал к нам накануне 31-й годовщины Великой Октябрьской революции по приглашению Союза советских писателей СССР.

Для колониальных и полуколониальных народов мира, страдающих от гнета империализма, от его коварной всераз'едающей и разрушительной силы, Октябрь 1917 года означает дату появления нового понятия «человек» — представления о человеке раскрепощенном, свободном от эксплоатации, человеке, которому дано полностью проявить свои творческие возможности, развивать свою культуру. Для порабощенных народов мира с кожей любого цвета — черной, коричневой или желтой — Октябрьская революция, прежде всего, означает уничтожение порочного круга, в который их вверг капитализм.

Я—индусский писатель, и я тоже вырос в порочном круге, созданном золотым тельцом. И когда Октябрьская революция сломала этот порочный круг в России, я и мои друзья увидели новые перспективы борьбы, новые горизонты, сулящие нам возможность вывести себя и свой народ из орбиты старой жизни.

Советский Союз на собственном примере показывает нам, как человек может изменить свою судьбу. СССР не только разбил армии интервентов, но осуществил свои пятилетние планы, благодаря которым многомиллионные массы населения Советского Союза стали жить сознательной, человеческой жизнью. Такое преобразование жизни людей, совершенное самими людьми, является полной противоположностью идеям «судьбы» или «рока», пропагандировавшимся в старом индусском мифе, который внушал людям, что человек бессилен перед природой и сверх'естественными силами, управляющими его жизнью.

Октябрьская революция уничтожила все мифы и повела людей к строительству нового государства, основанного на разуме, гуманности и справедливости. И тот факт, что из обихода мышления передовой интеллигенции мира исчезла концепция «судьбы—рока», является непосредственным результатом Октября.

Во время второй мировой войны, развязанной реакционными политическими кругами Запада с целью направить фашистскую агрессию на уничтожение советского общества, Советский Союз доказал всем, у кого есть глаза, что хотя он и не хочет войны, но сумеет защитить себя, если на него нападут.

Только мощь героической Советской Армии могла победить фашистские полчища. В долгих, жестоких и кровавых сражениях на Русской земле, в тяжелых испытаниях, но с непреклонной волей к победе Советский Союз разбил гитлеровские легионы и разгромил нацистских крыс в самом их логове — в Берлине.

Ни один разумный и честный человек во всем мире не может забыть о жертвах, принесенных советским народом, не может забыть, что он в большой мере самой жизнью своей обязан Советской Армии, рожденной Октябрьской революцией.

Подвиги советских мужчин и женщин во время войны также открыли перед нами новое понимание героизма, основанного на вере в человека и в прогресс человечества.

И для меня, писателя, этот героизм, эта вера в человека и в его способность непрерывно создавать новую культуру, непрерывно обогащать искусство и науку особенно важны, потому что мне пришлось слышать, как многие известные писатели Европы открыто признают, что они «больны, но выздороветь не хотят».

Из всех стран мира только в Советском Союзе так высоко ценятся человеческая жизнь и творческий труд. Я был в московских театрах, видел драму, балет, оперу, я посетил советские музеи и прочел много книг советских писателей. Все советское искусство пронизано радостью жизни и вызывает такое чувство, будто здесь к услугам человека и жемчуг с глубочайшего дна морского, и свет самых далеких звезд.

За то время, что я нахожусь в СССР, я заметил и другое явление: в то время как в Англии, Франции и Америке всячески раздуваются военная истерия и военный психоз, в Советском Союзе говорят не о войне, но только о новом пятилетнем плане. Этот контраст не мог не поразить меня. Я понимаю, как искренне и глубоко народы СССР хотят мира.

Я уеду из Советского Союза полный стремлений к миру. Я буду помнить, что в то время как печать Западной Европы и Америки сеет семена войны, на бульварах и улицах Москвы и Ленинграда ведутся посадки деревьев, чтобы украсить эти города. Я надеюсь, что эти деревья мира будут вечно зеленеть и цвести.

Делегаты на второй с'езд писателей Украины

КИЕВ. **(Наш корр.)** Состоялось отчетно-выборное собрание писательской организации Киева, посвященное подготовке ко второму с'езду писателей Украины. На собрании с большим докладом «Украинская советская литература перед вторым с'ездом» выступил ответственный секретарь Союза писателей С. Скляренко.

Он рассказал о творческом пути, пройденном украинскими писателями за 14 лет между двумя с'ездами. На ярких примерах докладчик показал, как лучшие произведения украинской советской литературы служат делу воспитания народа, идейно его вооружают.

— В нашу литературу, особенно после войны, пришло много молодых талантливых писателей, — заявил докладчик. — Это—свидетельство неисчерпаемых творческих сил украинского народа, его общего культурного роста в борьбе за построение коммунизма. Никогда еще литература Советской Украины не была на таком творческом под'еме, как сейчас!

В прениях по докладу выступил Н. Строковский, М. Талалаевский, П. Панч и другие писатели. Этими выступлениями начался творческий обмен мнений по вопросам украинской литературы, который будет продолжен с трибуны второго с'езда.

Затем состоялись выборы на с'езд делегатов от киевской организации. Единогласно избраны 53 делегата с правом решающего голоса, в их числе — лауреаты Сталинской премии: А. Корнейчук, П. Тычина, М. Бажан, В. Сосюра, М. Рыльский, В. Василевская, Л. Первомайский, А. Малышко, А. Гончар, В. Некрасов. Среди делегатов на с'езд — известный комсомольский писатель А. Бойченко и ряд талантливых молодых прозаиков и поэтов.

Избраны также 53 делегата с правом совещательного голоса. Остальные писатели Киева будут присутствовать на с'езде в качестве гостей.

Андрэ СИМОН

СВЕТОЧ МИРА

Великая Октябрьская социалистическая революция проходила под знаком мира. Впервые в истории государство, к тому же одно из крупнейших, возглавило борьбу за самое ценное для человечества — борьбу за мир. Впервые простой человек во всех частях света увидел, что создано государство, которое защищает не только свои собственные интересы, но и интересы всего человечества.

О международном значении Октябрьской революции можно судить также исходя из того, как выглядел бы сегодня мир, если бы не было Октября, какой была бы жизнь простого человека во всем мире, если бы не существовало Советского Союза.

Октябрьская революция привела к тому, что лагерь империализма лишился одной шестой части земного шара. Без Октябрьской революции эта шестая часть земли была бы включена в систему империалистических государств и продолжала бы служить очагом империалистических противоречий.

Октябрьская революция была первой пролетарской революцией, одержавшей победу. Без нее рабочий класс всего мира не осознал бы своей подлинной силы. Октябрьская революция доказала, что рабочий класс под руководством коммунистической партии способен разрушить государственный аппарат буржуазии, взять власть в свои руки и построить новое, социалистическое государство.

Октябрьская революция была результатом союза рабочего класса с беднейшим крестьянством. Без этого практического примера рабочий и крестьянин в капиталистических странах не познали бы, что их интересы общие, что их враги общие и что только совместной борьбой они смогут улучшить условия своей жизни и стать хозяевами своей судьбы.

Октябрьская революция означала осуществление на практике науки о социализме. Представители буржуазии уверяли рабочих, что социализм неосуществим, что он является только «прекрасной мечтой».

В октябре 1917 года, однако, социализм стал реальным фактором в руководстве государством. Наука и практика привели к неожиданным результатам. Творческие силы трудящихся, освобожденные от гнета буржуазной идеологии и капиталистического террора, стали быстро развиваться и проявили свои замечательные способности в области политической, экономической и культурной. Рабочий — государственный деятель, рабочий — экономный хозяин, рабочий — писатель, рабочий — художник, рабочий — ученый, — вот что Октябрьская революция выдвинула на мировую арену. Без нее рабочий класс и демократические массы во всем мире никогда бы не увидели на практике, что рабочий может управлять государством гораздо лучше, чем буржуазный политик, что он лучший хозяин, чем капиталист, что наука и искусство под руководством рабочего класса и его коммунистической партии достигают невиданного расцвета.

Октябрьская революция дала возможность осуществить первую попытку планового хозяйства в истории человечества. Еще не прошло двадцати лет с тех пор, как целая свора буржуазных писак ринулась на борьбу против первой пятилетки. Предсказания краха пятилетки заполняли тогда целые страницы буржуазной печати. Но и здесь правда одержала верх. Когда в 1929-33 гг. самый крупный кризис в истории охватил капиталистические государства, когда около 50 миллионов безработных и десятки миллионов полубезработных стали нищими в капиталистическом мире, — рабочий класс начал понимать, что «естественная» безработица и «естественный» кризис—результат капиталистической системы, потому что в это же время в стране Октябрьской революции сказочным темпом вырастали новые заводы, а безработица исчезла навсегда.

Кризис, безработица и капиталистический способ ведения хозяйства неуклонно вели к снижению жизненного уровня трудящихся, а когда бывало, что «кон'юнктура» замедляла этот процесс, то наступал новый кризис, который вызывал новое снижение.

Октябрьская революция создала систему, которая не только прекратила снижение жизненного уровня, но ведет к непрерывному его росту. Практический пример Советского Союза показал рабочим всего мира, что социализм обеспечивает трудящимся зажиточную жизнь.

И крестьянин в капиталистическом мире не имел бы без Октябрьской революции практической базы для такого сравнения. Октябрьская революция открыла путь коллективному хозяйству в деревне—высшей форме использования земли. Разницу между капиталистическим и социалистическим сельским хозяйством можно лучше всего показать на том примере, что в США замечательный урожай вызывает панику, а в Советском Союзе—радость. При капитализме хороший урожай может привести к кризису, а при социализме только к повышению всеобщего благосостояния.

Общий кризис капиталистической системы привел и к глубокому кризису ее литературу и искусства. Крупные литературные и художественные произведения, созданные в капиталистическом мире, выросли в борьбе против капитализма, а не в борьбе за него. За несколько лет до своей смерти Теодор Драйзер говорил мне, что все прогрессивные произведения американской литературы последних двух десятилетий создавались под влиянием Октябрьской революции и Советского Союза — ее детища. Только благодаря Октябрьской революции писатель и художник в капиталистическом мире узнали, что социализм во много раз увеличивает творческие возможности людей искусства, так как открывает перед ними новые стороны жизни, которые капитализм скрывает от них или же о которых он не подозревает. «Тем, что социализм учит нас смотреть на каждую проблему и на каждого человека всесторонне, — сказал мне тогда Драйзер,—он помогает нам углубить свое творчество, проникнуть в незнакомые уголки человеческого мышления, показать новые стороны человеческой жизни и новое решение вопросов, за что человек борется уже много веков. Социализм создал новую мораль, которая приводит к новой оценке человеческих качеств, устраняет буржуазное лицемерие и заменяет его суровым приговором правды, непреодолимой волей служить ей и стать защитником подлинной справедливости».

Все это Октябрьская революция открыла писателям и художникам капиталистического мира. Поэтому крупнейшие писатели в капиталистических странах стали друзьями Октябрьской революции и Советского Союза. Иронический скептик Анатоль Франс забывал иронию и скептицизм, говоря об Октябрьской революции. Теодор Драйзер, без которого нельзя представить себе развитие американской литературы, был страстным поклонником Советского Союза. Наиболее выдающиеся деятели литературы, искусства и науки в капиталистических государствах признаются, что только Октябрьская революция и социалистическая жизнь Советского Союза открыли им путь нового и более ценного познания действительности.

Вторая мировая война подтвердила и международное значение Октябрьской революции, и ее значение для судьбы каждого человека. Если бы не было Советского Союза, то Великобритания уступила бы немецкому вторжению. Если бы не было Советского Союза, немецкий империализм подчинил бы себе Европу на долгие годы. Советский Союз спас человечество от рабства, а европейскую цивилизацию от гибели. Без Октябрьской революции, без социалистической политики Советского Союза не было бы силы, способной победить Германию. Без Советского Союза народная борьба в странах, оккупированных немцами, никогда не достигла бы такого размаха: освободительное движение черпало свои силы в вере в Советский Союз и в убеждении, что Советский Союз непобедим.

Если бы не было Октябрьской революции в России, страны и нации, освобожденные после второй мировой войны непосредственно Советской Армией, не смогли бы вступить на путь социализма. Только Советская Армия дала народам полную свободу решать свою собственную судьбу и свои собственные дела; армии западных империалистических держав подавили в странах, которые они фактически оккупировали, свободу и лишили народы этих стран возможности избрать свой дальнейший путь. Если сейчас народно-демократические государства уже избавились от гнета империалистов, если они смогли национализировать свою промышленность, разделить землю, обеспечить рабочему классу руководящую роль в государстве и включиться в борьбу за мир, то это — результат мирной политики Советского Союза, содействовавшего их прогрессивному развитию.

Без Октябрьской революции рабочий класс и его союзники не узнали бы, что означает на практике осуществление марксистско-ленинской теории и что это осуществление возможно только под руководством коммунистической партии. Если сейчас все дороги ведут к коммунизму, то только потому, что коммунистическая партия Советского Союза сумела с помощью трудового советского народа доказать, что ее путь единственно правильный, что это единственный путь, который ведет к свободе и зажиточной жизни.

Международное значение Октябрьской революции заключается в том, что она поставила колоссальные силы Советского Союза на службу мира и социализма. 7 ноября даже в самых глухих деревушках, в самых отдаленных частях света собирались люди, чтобы отпраздновать тридцать первую годовщину Октябрьской революции, отпраздновать день рождения Советского Союза. Ни одно государство на свете не пользуется такой популярностью.

В Китае, на Малайском архипелаге, в Бирме, Индокитае, Индонезии, Палестине, Греции народ проклинает политику англо-американских империалистов, ведущую к страшному кровопролитию, и с благодарностью вспоминает Советский Союз, который так решительно выступает против англо-американской интервенции.

Во Франции и в Италии подавляющая часть рабочего класса и широкие слои трудящихся поддерживают политику мира, проводимую Советским Союзом. В Великобритании и в Америке ширится сопротивление планам империалистов. Всего этого не было бы без Октябрьской революции.

Никакая другая революция не оставила таких больших следов не только в истории, но и в личной судьбе каждого человека. Никакая другая революция не привела к таким огромным результатам.

Советский Союз — первое государство в истории, политику которого поддерживает преобладающее большинство человечества.

ПРАГА.

Вс. ИВАНОВ

РОМАН О ПЕСНЕ

Прежде чем говорить о прекрасном и умном романе Мухтара Ауэзова «Абай», я позволю себе рассказать вам о доме-музее Абая Кунанбаева в Семипалатинске, который я посетил летом этого года. Мне кажется, что даже беглый взгляд на музей Абая об'яснит многое и в судьбе замечательного поэта-просветителя казахского народа, и в судьбе романа об этом поэте.

Деревянный домик, где некогда гостил Абай, приезжая из степи в Семипалатинск, невелик. В нем пять тесных комнат. Невелико и собрание вещей, принадлежащих собственно Абаю, хотя разыскания, производимые работниками Академии наук Казахской ССР, ведутся тщательно. Так, из рукописей Абая сохранилось лишь несколько страниц; портретов его мало — две-три фотографии, что касается печатных книг стихов Абая... о них стоит сказать поподробнее.

Абай родился в сороковых годах прошлого столетия и скончался в 1904 году. Это были годы могучего развития русской литературы. В эти годы появились Белинский, Герцен, Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, Тургенев, Лев Толстой, Салтыков-Щедрин, Чехов, Горький. Абай мог не только читать произведения этих великих писателей, но и мог бы видеть некоторых из авторов этих произведений, вести с ними переписку.

Казахский народ вел в те времена, как и столетия назад, кочевую жизнь. Русская общественная мысль и литература затрагивали лишь редкие единицы среди казахов, да и то краем своего движения. Абай стал сочинять стихи в юности и, говоря нашим языком, к концу своей жизни имел 30—40 лет творческой работы. Однако, при жизни он не напечатал ни одной своей книги стихов! Его первая книга стихов была издана в 1909 году, пять лет спустя после его смерти. Издана не на родине, а в далеком Петербурге. Казахстан в те годы не имел ни казахских типографий, ни издательств, ни рабочих, которые умели бы набирать книгу. Стихи Абая поэтому, равно как и переводы русских поэтов, сделанные им, ходили в списках или передавались акынами из уст в уста. Акыны, народные певцы, были тогда единственными проводниками советской казахской литературы.

И вот теперь, когда стоишь перед витринами дома-музея, где лежит множество изданий Абая и на родном казахском языке, и на языках других народов СССР, понимаешь, как далеко ушел в области культуры и искусства советский народ, как преобразились все мы и как, в частности, преобразился казахский народ.

Не будем касаться превосходных казахских колхозов и совхозов, не будем говорить о неслыханных урожаях пшеницы, умолчим о гигантском медеплавильном комбинате Балхаша, о строительстве Иртышгэса, о заводах и рудниках Восточного Казахстана, о Казахском университете, о великолепной столице Алма-Ата, красующейся на фоне горных снегов,—взглянем только в лежащую перед нами книгу Мухтара Ауэзова «Абай».

Советская литература богата биографическими романами. На первом этапе развития советской литературы появился «Чапаев», действие которого, кстати сказать, происходит на границе Казахстана. Полководцы прошлого и настоящего, поэты, строители, государственные деятели часто встречаются с читателями на страницах наших книг. Пожалуй, можно сказать, что биографическая, т. е. подлинная канва жизни ложится, как основание всей системы социалистического реализма. И чем сильнее и крепче дарование писателя, тем шире и ярче полотно жизни, на котором развертываются события, имеющие биографический характер.

К числу таких ярких, жизненных, талантливых книг принадлежит и роман Ауэзова «Абай».

Абай Кунанбаев происходил из кругов высшей степной аристократии. Его отец—глава богатого и большого казахского рода, деспот, цепко ухватившийся за власть. Абай рос и воспитывался, не зная лишений и труда. Отец готовился передать ему свою власть. И в конце концов, из Абая вышел бы обычный правитель рода, разве лишь украшенный поэтическим дарованием, которое помогло бы ему воспевать любовь и попойки.

Жизнь вывела его на другое поприще. Степь была перенаселена. Пастбищ кочевникам нехватало. Много родов, и в первую очередь род, которым управлял старый Кунанбай, отец Абая, вели между собой борьбу за пастбища. Схватки, побоища, родовая месть, кражи имущества, ожесточенная борьба родов делали прочное и счастливое устройство быта почти невозможным. Вот что, прежде всего, почувствовал своим сострадательным сердцем Абай в дни детства. Убийства, насилия над бедными, произвол байства — таков фон, на котором протекало детство Абая.

Мухтар Ауэзов, строгий и смелый художник, показал этот байский произвол с огромной жизненной правдой. Отражая кочевое родовое быт в художественной литературе, писатели или идеализировали его, рисуя чуть ли не как «золотой век», или же уходили в другую крайность — не находили в кочевом быту ничего человеческого, отрадного. Ауэзов нашел и правильные краски, и правильное расположение фигур в этой огромной панораме степи, в ее быте, в ее нравах. Получилась и глубоко поэтичная, и глубоко правдивая картина.

Как ни были оторваны казахи своим патриархально-родовым бытом от общественного движения, развивавшегося в России, струи этого движения все же проникали в степь, будили мысль, заставляли мечтать о другой, лучшей жизни. И мечта эта, естественно, лучше всего выражалась в песне.

«Абай» — роман не только о поэте, но и роман о песне, о мечте, о лучшей жизни. Идеалы этой лучшей жизни еще не оформились, смутно мерещатся Абаю новые, справедливые отношения между людьми. Мечта воплощается в песню, и поэт мечтает о песне необыкновенной, новой, смелой. В начале романа старый акын Дулат, предчувствуя талант мальчика, подает ему домбру и благословляет его на песню. «Абай, — пишет Ауэзов, — смутился и промолчал». Смущение это об'ясняется тем, что еще ребенком Абай понимает значение песни для степи и для него самого. И одной из самых трогательных страниц романа является описание того, как Абай почувствовал себя акыном, певцом, который нужен народу.

Путь Абая к песне сложен и тяжел. Овладев искусством степных певцов, он понял, что этого мало. Народ хочет других песен, еще более приближенных к жизни, еще более отвечающих мечтам его. Абай стал изучать арабских и персидских поэтов. Но и они не удовлетворили его. Тогда он обратился к русской поэзии, к Пушкину и Лермонтову. Появление казаха в Семипалатинской городской библиотеке вызвало сенсацию среди семипалатинской интеллигенции тех времен. И до Абая, конечно, некоторые казахи учили русскую грамоту и читали русские книги. Но русскую поэзию, уже наверняка, он читал первым, и не только читал, но и изучал, но и переводил! Здесь он открыл новый мир — и для себя, и для своего народа.

«...Он не знал, что думать, что делать, что решать...

И вдруг в этой буре ощущений он вспомнил о прочитанной утром книге... Дубровский!.. Перед ним сразу же всплыли распри, переходящие от отцов к детям, вражда, терзающая его род из поколения в поколение: Кунанбай и Божей... Такежан и брат Базаралы — Балагаз... Другой его брат Оралбай... Несчастная Коримбала... Он вспомнил всех близких Базаралы, непрерывно терпевших обиды от родичей Кунанбая, и тут же перед ним возник умирающий старик Дубровский, сломленный насилием Троекурова... А Владимир? Ведь и он был в пламени вражды, но нашел исцеление в любви к Маше... Так ли виноват Базаралы?». Впервые для Абая правда искусства слилась с жестокой правдой жизни».

Абай принял «Дубровского» как руководство к действию. Протестуя против неправильно проводимых выборов, Абай, вместе со своими друзьями, ломает праздничные юрты и выгоняет из степи губернское начальство, приехавшее на волостные выборы. Это — открытое возмущение против царских чиновников. Остается, подобно Дубровскому, уйти в лес.

Но Абай не уходит. И вовсе не потому, что у него нет смелости. Абай смел. Но он не Степан Разин, не Емельян Пугачев, он не народный вожак. Он хороший, добрый человек, страстно мечтающий о счастье своего народа, однако он плохо понимает и знает пути, по которым народ должен идти к счастью. Он — искатель правды, но еще не революционер. И недаром глава, идущая за описанием «бунта» Абая, начинается в Семипалатинске, в «каталажке», где арестованный Абай усердно читает русские книги, ища ответы на мучающие его вопросы. Вопросов много, и они все сложные.

Что такое Россия? Какова роль ее культуры в культуре казахского народа? Что такое русская поэзия? Что такое русская общественная мысль? Куда идти поэту? С кем идти?

Мне кажется, что М. Ауэзов в «Абае» дал правильные и точные ответы на эти вопросы. В самые тяжелые и грустные дни жизни Абая к нему на помощь для разрешения мучающих его сомнений пришли умные и отважные представители русской интеллигенции. В поэте-бунтаре они увидели родного и близкого им человека. Прощаясь, перед от'ездом в степь, с Михайловым, знакомым его с современными движениями русской общественной мысли, Абай говорит замечательные слова:

«— Сегодня я узнал вас глубже, чем раньше. Только теперь я понял ваши неоценимые качества. Раньше я думал, что вы несете в себе лучшие мысли только русского народа, а я для вас — человек совсем из другого мира, далекого от вас, не известного вам, из чуждых вам пустынных степей с их непонятными вам мыслями... А вы точно взяли меня за руку, повели на какую-то вершину, показали оттуда стоянки всех народов и об'яснили мне, что все люди—сородичи, пусть хоть дальние. Вы и мое Тобыкты не отбросили в сторону от мировой культуры. Мне радостно, что я не только сын казаха, но и сын всего человечества... Для меня это — и гордость, и радость...»

Роман «Абай» написан в реалистической манере. М. Ауэзов, несомненно, учился у Льва Толстого. Однако, автор «Абая» внес в роман свои, своеобразные черты, и роман получился чрезвычайно оригинальным. Временами, особенно когда речь идет о любви Абая, он, подобно многим восточным героям, обменивается с любимой песнями. Искусство автора так велико, что этот, казалось бы, традиционный прием кажется совершенно реальным. и, читая роман, думаешь, что иначе и быть не могло!

М. Ауэзов великолепно знает быт своего народа. Однако, он не перегружает роман мелкими деталями,—и роман течет быстро, читается с увлечением. Широкие картины жизни народа сменяют одна другую. Труд пастуха, кочевки, непрерывные поездки из аула в аул, топот копей слышится на каждой странице, боевые схватки, состязания певцов, шутки, охота с соколами, — все это развертывается, окруженное яркой степной природой, залитое пышным степным солнцем.

И непрерывно над степью звенит песня! Прочтите чудесные страницы в начале второй части, когда Абай впервые после долгого сидения в городе выезжает в степь: «Повозка быстро катилась по обочине тракта, покрытой молодой, невысокой еще зеленью», — и вы сразу, всей душой, почувствуете степь, ее приволье, ее широту, и у вас, вместе с Абаем, зародится песня. А какой, полный нежности и печали, ведет Абай разговор со своей сестрой! Через несколько страниц другая картина степи. — Абай скачет рядом со своим другом Ерболом. Чтобы читатель ознакомился с замечательным мастерством пейзажа, свойственного Ауэзову, спешу выписать несколько строк, поразительных по выпуклости и силе слов:

«У самого подножья холма путников настиг ливень с порывами ветра. Но ветер скоро затих, ливень перешел в теплый дождь. Склоны Орды волновались бледно-зеленой порослью низкого ковыля и полыни. Молодой весенний дождь шумел веселым потоком. В лицо путникам, ехавшим по каменистой дороге, непрерывной волной лился запах полыни. Дождь пошел сильнее, тучи заволокли небо, совсем скрыв солнце, лишь над самым горизонтом повисла желтоватая мгла. Был ли это отблеск вечерней зари или отражались в тучах солнечные лучи — последние лучи, утратившие последние силы и потухающие, как слабеющая надежда? Еще немного—и этот бедный отблеск света поблек. Туманное его зарево на миг сгустилось в темнобагровую завесу лишь для того, чтобы, утеряв последние краски, уступить на печальном бесцветном небе место ночной тьме».

Мне думается, что эти строки, как и многие другие страницы книги, можно отнести к лучшим образцам советской художественной прозы. Не нужно забывать еще, что это перевод, и перевод весьма неровный. Роман поражает читателя силою своих картин, но кое-где она теряется из-за неряшливости перевода. Например: «Майбасар, тяжело дыша, вклинился между Кунанбаем и Даркембаем». На одной странице Базаралы стоит у входа в ущелье «словно тигрица, охраняющая детенышей», а на следующей тот же Базаралы разгоняет своих противников, и они от него «бежали, как собаки от раненого, раз'яренного тигра». Не споря о том, тигр тут или тигрица, само по себе сравнение совершенно не в духе книги, написанной спокойно, без вычурности. Встречаются «волнующие душу напевы» и вообще выражения чересчур плоские. Но все это частности, которые легко исправить в следующем издании книги.

В общем, перед нами громадное культурное явление: я бы не побоялся назвать его великим.

Тридцать один год тому назад, под мощными ударами социалистической революции, руководимой партией Ленина — Сталина, в нашей стране впервые был прорван фронт мирового империализма. Русский народ вместе с другими народами нашей страны низверг империалистическую буржуазию. К власти пришел социалистический пролетариат, который в течение тридцати одного года, окруженный врагами, неоднократно нападавшими на нашу страну, построил социализм на одной шестой части земного шара. За исторически короткий срок наша отчизна, преодолев свою вековую технико-экономическую отсталость, предстала перед всем миром, как могучая индустриальная держава, как держава, где культура и искусство подняты на необыкновенную высоту.

Сорок лет тому назад в Казахстане не было типографии, где можно было бы напечатать стихи Абая. Да что типографии! В сущности, казахи не имели и своих городов. Прочтите «Абая», и вы увидите, что казахи приезжали в города как гости. Все казахи, за некоторым исключением, жили в степи. А ныне,—не говоря уже о других культурных достижениях, — на юбилее МХАТ вы могли видеть, как казахские актеры с поразительным мастерством исполняли отрывки из Шекспира!..

Великим и несокрушимым законом нашего общества является равноправие всех национальностей и рас. Наша советская демократия, об'единив в одну семью братские народы, направляет все их усилия на общее процветание нашей могучей многонациональной Родины.

Вот почему в нашей стране могли развиться и расцвесть национальное искусство, национальная литература.

Вот почему у нас мог появиться роман Мухтара Ауэзова — «Абай», роман, указывающий не только на громадный рост культуры казахского народа, но и на рост самого писателя, на его всестороннее развитие, позволившее ему создать удивительно многозвучный роман, нарисовать огромное полотно с множеством отлично отделанных фигур, с движением народных масс, написать роман, полный человечности и веры в человека.

Абай говорит Михайлову: «Мне радостно, что я не только сын казаха, но и сын всего человечества». Тогда, в условиях царской России, эти слова могли сказать весьма немногие, а особенно среди казахов. Ныне вся страна наша — русские, украинцы, казахи, грузины, армяне, все народности Советского Союза с гордостью и радостью могут сказать о себе, что все они являются истинными сынами великой социалистической Родины и человечества, заинтересованными в процветании общечеловеческой культуры, в процветании мира, в его целости и счастье, в его творчестве.

И мо ут сказать это с тем большим правом, что они спасли мир от варварства, от фашизма и продолжают спасать его и поныне, продолжают упорно бороться за счастье мира, — а бороться им есть чем! Отчизна наша час от часу делается все краше и богаче, все сильней и могучее, и все выше поднимает она знамя животворящих победоносных идей учения Ленина—Сталина!

Мухтар Ауэзов. «Абай». Роман. Гослитиздат. 1948 г., 560 стр.

Вилис ЛАЦИС
Председатель Совета Министров Латвийской ССР

Радостный путь

Лет 60 тому назад латышский поэт Андрей Пумпурс по мотивам народных сказаний написал эпос «Лачплесис». Лачплесис—латышский народный герой. Он ведет бой с нечистью, чтобы освободить свой народ. В то время, когда эта цель кажется уже достигнутой, пред Лачплесисом встает новый хищный и коварный враг—Черный рыцарь, символизирующий вторгшихся на латышскую землю немецких захватчиков. В схватке на берегу Даугавы Лачплесис вместе со своим противником падает в стремнину и погибает.

Автор эпоса Андрей Пумпурс, полный жгучей ненависти к немецким псам-рыцарям, поработившим его народ, зорким оком видел единственный правильный путь для латышского народа—совместный путь с русским народом. Он заканчивал свое произведение пророческими словами о том, что придет время, когда Лачплесис сбросит в пучину своего противника, — тогда для народа начнутся новые времена, и он освободится навеки.

Имя Лачплесиса стало символом борьбы латышского народа за свободу. Много лет спустя наш замечательный революционный поэт Янис Райнис написал по мотивам пумпурсовского произведения свою лучшую пьесу «Огонь и ночь»—«старую песню в новых звуках», как он сам ее назвал. Пьеса Райниса подняла на новую идейную высоту борьбу латышского народа против угнетателей и сыграла революционную роль в этой борьбе. Пролог пьесы заканчивается словами о новом поколении, которое доведет освободительную борьбу до конца.

Почти 40 лет прошло с появления «Огня и ночи», и мотив Лачплесиса опять по-новому зазвучал в стихах народного поэта Латвийской ССР Яна Судрабкална. Это было в годы Великой Отечественной войны. Немецко-фашистские полчища, кровавые потомки Черного рыцаря, топтали латышскую землю; но поэт видел близкий час освобождения. Судрабкалн снова пел о Лачплесисе—пел о воинском духе латышских бойцов, на щите которых сияет пятиконечная красная звезда, пел о нерушимой дружбе латышского народа с русским.

Так лучшие представители латышской литературы в разные периоды истории образом Лачплесиса правильно указывали латышскому народу путь к свободе — путь, общий с великим русским народом.

Двадцать с лишним лет насильственной оторванности от русского народа могли лишь задержать, но не свернуть латышский народ с общего боевого пути. За 20 с лишним лет власти латышская буржуазия, фальсифицируя историю литературы, немало сделала для того, чтобы вытравить из сознания молодежи правильное представление о таких подлинно народных и революционных писателях, как Эдуард Вейденбаум, Судраба Эджус, Леон Паэгле и др. Буржуазия замалчивала страстную революционную поэзию Райниса, она ставила препятствия на пути творчества Андрея Упита и в конце концов лишила его права печататься под своим именем. А молодых революционных поэтов и прозаиков—Андрея Балодиса, Индрикиса Лемаписа и других она истязала в тюрьмах.

Но идеи Великой Октябрьской социалистической революции сквозь все возводимые буржуазией рогатки проникали в Латвию, оплодотворяя народную культуру. Эти идеи доходили до масс в нелегальных изданиях и в живых словах людей героической компартии Латвии, боровшихся в глубоком подполье за победу народа. И когда волей народа в республике была провозглашена советская власть, когда были снесены все препятствия, мешавшие росту национальной народной культуры, когда на страницах советской латышской печати появились стихи и рассказы писателей, получивших возможность свободного творчества, когда на заводах, в селах зарождались кружки художественной самодеятельности,—уже тогда стало очевидно, что и в годы оторванности латышского народа от Советской Родины идеи Октября пустили глубокие корни в подлинно **народной** латышской культуре. Они поддерживали, наполняли силой все лучшее, передовое в этой культуре. Эти октябрьские всходы стремительно наливались живительными соками современности. Перед национальной народной культурой Латвии открылся светлый путь развития, которое беспрерывно продолжается.

Выступая на VII сессии Верховного Совета СССР в 1940 году, В. М. Молотов заявил по поводу провозглашения советской власти в прибалтийских республиках: «Нет никакого сомнения в том, что вхождение этих республик в Советский Союз обеспечит им быстрый хозяйственный под'ем и всесторонний расцвет национальной культуры...»

Эти слова полностью подтвердились—тому свидетельство сама жизнь, сегодняшний день Латвии. Можно было бы привести цифры—в них мы почувствовали бы саму историю латышского народа, глубокие изменения в его судьбах, внесенные советским строем. То, что промышленность республики перевыполняет задания, — отрадный факт! Но он вдвойне отраден потому, что продукция, производимая ныне рабочим классом республики, — **новая:** в нее входят электрифицированные вагоны, универсальные деревообделочные машины, автоматические телефонные станции, шахтные телефонные аппараты, складные домики, электромоторы и др. Всего этого в Латвии никогда раньше не производили.

Государственные планы заготовок сельскохозяйственных продуктов республика не впервые перевыполняет досрочно. Но в нынешнем году она завершила эти планы особенно успешно. В этом сказывается действие новой могучей силы, быстро развивающейся в латвийской деревне, — силы первых сотен колхозов Латвии.

Латышский рабочий сегодня — это технически образованный человек и смелый новатор. Он почувствовал в себе уверенность хозяина земли, трудящегося на себя, на свой народ. Он овладевает передовой советской техникой и умеет двигать ее вперед. Он ломает устаревшие нормы. В республике есть рабочие, которые уже завершили или завершают производственные задания конца следующей пятилетки!

У нас появился также новый тип крестьянина — крестьянина советского, для которого интересы общества превыше всего. Герой Социалистического Труда Эрнест Зебергс олицетворяет те лучшие качества, которые воспитывают в себе латышские землепашцы. Крестьянин этого нового типа — человек высоких стремлений, обширного кругозора, охваченный жаждой творить для Родины, для народа.

Советская власть вернула народу — рабочим, крестьянам, интеллигенции — все сокровища его культуры, похищенные буржуазией. Уже в первые годы после освобождения Риги от немецко-фашистских захватчиков вышли в свет собрания стихов Эдуарда Вейденбаума и Леона Паэгле, избранные произведения Судраба Эджуса; издаются полные собрания сочинений Яниса Райниса и Андрея Упита; плодотворно работают прозаики и поэты, выросшие на идеях Октября. Даже беглый взгляд на латышскую литературу сегодняшнего дня дает яркое представление о происшедших в ней глубоких изменениях.

За двадцать с лишним лет своей власти латышская буржуазия не дала ни одного литературного произведения, которое выходило бы за рамки посредственности и убожества, чем вообще отличалась вся ее культура. В свое время она подняла на щит книжку реакционного придворного писателя кулацкой партии — «крестьянского Союза» — Эдуарда Вирза «Страуменьі». Эта книжка — хвалебный гимн кулаку, она идеализировала кулацкое хозяйство, патриархальный быт.

Кулацкая диктатура Ульманиса рухнула. И латышская советская литература сорвала маску с кулака, раскрыла его истинное лицо хищника и грабителя. Великий мастер латышской прозы, народный писатель Андрей Упит в своем романе «Зеленая земля» показал латышского кулака еще в те годы, когда он закупал землю у немецких помещиков, становился «серым бароном», пришедшим на смену немецкому барону. Писатели Арвид Григулис, Анна Саксе и другие в своих произведениях обрисовали звериный облик кулака. Народные массы Советской Латвии находят в этих книгах портрет заклятого эксплоататора, проникаются ненавистью к этому злейшему врагу советской власти.

В литературных образах сегодняшнего дня латышский народ в совершенно новом свете видит главную руководящую силу своего исторического развития — рабочий класс. В пьесе А. Григулиса «Глина и фарфор», в пьесе Ю. Ванага «Встреча на берегу» выступает советский рабочий как зрелый хозяин жизни, человек, смело созидающий свою судьбу.

Национальная народная латышская культура своей жизнью, своим настоящим и будущим обязана советской власти, великой большевистской партии. Успехи этой культуры очевидны для всех. Достаточно упомянуть тот факт, что народный писатель Латвийской ССР Андрей Упит, народный поэт Ян Судрабкалн, драматург Арвид Григулис, а также 11 работников театра и два новатора промышленности удостоены Сталинских премий. Это яркий показатель бурного развития культурной жизни республики, которая характерна для сегодняшней Советской Латвии.

...Летом 1946 года Советскую Латвию посетила английская парламентская делегация. Среди англичан находился известный британский журналист Г. Шаффер.

Делегация ознакомилась с ходом восстановительных работ в республике, побывала на заводах, в совхозах. Возвратясь на родину, Гордон Шаффер на страницах «Рейнольд ньюс» поделился впечатлениями о пребывании в Советской Латвии:

«Хотя Латвия сильно пострадала от войны, она восстанавливается гораздо быстрее, чем любая западноевропейская страна, положение которой можно было бы сравнить с положением Латвии... В ближайшие пять лет Латвия будет получать уголь, нефть, зерно и заводское оборудование непрерывным потоком... Нигде в мире никакие другие страны не снабжаются в таких широких масштабах».

Далее Шаффер заявляет, что «...с тех пор как Латвия стала советской, в ней гораздо успешнее развиваются латышская литература и искусство».

Это признание английского журналиста весьма показательно. Ведь в той же Англии еще околачиваются на задворках выброшенные за борт истории, прожженные политические интриганы, которые продолжают вздыхать «о судьбе маленькой Латвии», о ее будущем и изливают потоки грязи и клеветы на нашу республику, на наш народ.

Им ли, политическим мертвецам, послушным куклам в руках американских и западноевропейских экспансионистов, говорить о будущем Советской Латвии?

Мы уверенно идем по пути, указанному великой партией Ленина—Сталина, — к коммунизму. Латышский народ, чью независимость и национальную свободу спасла советская власть, уверенно смотрит в свое будущее. Для нас ярко светит неугасимое солнце Октября, зажженное великой партией Ленина—Сталина. Это солнце озаряет наш светлый победный путь!

ЗАПОМИНАЮЩИЙСЯ ОБРАЗ

Л. КРУПЕНИКОВ

Лена Зорина запомнится всякому, кто прочитает коротенькую повесть Сергея Антонова, названную по имени героини. Звеньевая комсомольского звена в разоренном оккупацией валдайском колхозе, эта девушка является одним из передовых участников послевоенного созидания в деревне. Лена — «широкоротая и курносая, лицом похожая на мальчишку», веселая колхозная девушка.

Сюжет повести несложен. Он посвящен истории борьбы Лены Зориной и ее звена за рекордный урожай. Эта борьба, работа звена, споры с председателем колхоза, отказывающимся выдать полуторное количество посевного зерна для опытного участка, — вся, казалось бы, будничная жизнь колхоза изображена так поэтично, характер Лены раскрыт на этих будничных делах так разносторонне и ярко, что вас захватывают и волнуют события в маленьком валдайском колхозе.

Удача С. Антонова об'ясняется тем, что в небольшой повести ему удалось раскрыть характер героини, удалось нарисовать живой, полнокровный образ нашей современницы.

Уже первое появление Лены, ее как будто бы не слишком благоразумный поступок — рискованный переход через реку в ледоход — рисует нам ее упорство, задор, смелость. Лена — вожак колхозных комсомольцев, инициатор всего нового, она не дает людям успокоиться. Недаром старик-перевозчик говорит:

«...Пока ее нету, все тихо, мирно, а при ней нивесть что творится».

И когда прошлогодней весной колхозники, поднявшиеся после исторических решений февральского Пленума ЦК партии на новые трудовые подвиги, обсуждали свои планы, Лена вместе с комсомольцами взяла обязательство вырастить невиданный урожай — тридцать два центнера с гектара.

Прежде чем начать борьбу с природой, пришлось бороться с отсталыми людьми,— с теми, кто сомневался в возможности вообще получить такой урожай, с теми, кто не верил в силы Лены и ее товарищей. Эта борьба Лены изображена очень убедительно.

Особенно удачно нарисовано колхозное собрание. Напрасно председатель колхоза старался, чтобы все шло чинно и гладко, чтобы все выступающие говорили по заранее намеченному плану. Сидел председатель с грустным лицом и тщетно стучал карандашом по графину, огорченно поглядывая на представителя из района, молодого агронома Дементьева. Но Дементьев, вопреки предположениям председателя, был доволен, — люди разговорились по душам, горячо, с огоньком.

И в этих неподготовленных речах чувствуется столько веры в свои силы, такое понимание больших всенародных задач и вместе с тем такая точность и реальность планов и мечтаний, что читатель повести не может не поверить в достоверность, жизненность и правдивость ее героев.

Привлекательно нарисованы вечерние посиделки колхозной молодежи.

«...Возле избы Марии Тихоновны лежало насквозь просушенное солнышком бревно. Много лет лежало оно, серое, серебристо-блестящее, шишковатое от сучков, все в ровных, словно пробитых по шнуру трещинах. Почти на четверть вросло оно в землю. Небольшая круглая площадка между бревном и избой была вытоптана сапогами и туфлями, выбивавшими такт до чугунного звона, и ни травинки не могло вырасти на этой площадке. Лишь чумазые от пыли листочки гусиной травки пугливо забивались под бревно да под скамью, вкопанную у завалинки. Четыре толстых березы, чудом уцелевшие от немцев, стояли вокруг этого места».

Избрав предметом своего изображения традиционные посиделки, автор раскрывает при этом то новое, современное, что все глубже проникает в жизнь послевоенной колхозной деревни. Разговоры девушек и парней о своей работе, о будущей жизни дают яркое представление о характерах комсомольцев и комсомолок валдайской деревни Шомушки и прежде всего о характере Лены.

Яркий образ Лены обрисован автором многосторонне — девушка предстает перед нами и в опасные минуты ледохода, и на колхозном собрании, где упорно отстаивает свое новаторское предложение, и на поле во время напряженного труда.

Значительное место в повести занимают взаимоотношения Лены и молодого районного агронома Дементьева. Девичий задор, шутки и проделки Лены над влюбленным в нее агрономом сменяются иным отношением, — мы присутствуем при возникновении еще не совсем определившегося робкого ответного чувства.

Упорная, беспокойная, настойчивая в достижении больших целей, героиня повести С. Антонова действует не по прихоти автора, — все поступки Лены, все ее слова и помыслы вытекают из характера, в котором видны черты передового человека нашего времени, воспитанника комсомола, активного работника нашей послевоенной эпохи.

Добившись в изображении основной героини несомненного успеха, автор, к сожалению, менее удачно показал других персонажей своей повести — агронома Дементьева и председателя колхоза.

Образ Дементьева бледен и расплывчат. Перед нами как бы два разных человека: один — традиционный, давно знакомый, безнадежно влюбленный юноша с его довольно неопределенными и малоинтересными переживаниями, и другой — передовой агроном, нарисованный, впрочем, очень схематично.

Самоотверженный труд Лены и ее товарищей не приводит, на первый взгляд, к победе. Стихийное бедствие — град — губит плоды напряженного труда ее звена. Но ее пример, ее новаторская деятельность незамедлительно — такова природа колхозного строя — находят подражателей: по ее способу в ряде соседних колхозов засеяны участки, названные, в честь инициатора, зоринскими.

Расставаясь с Леной, мы уверены, что она добьется своего и вырастит небывалый урожай. И мы не можем не порадоваться ее грядущим успехам, потому что автор заставил нас полюбить эту живую, задорную и обаятельную девушку.

Сергей Антонов. «Лена». Повесть. «Звезда» № 7, 1948.

Лев СЛАВИН

Провал Дьюи

Профессиональные пророки американской буржуазной прессы изрядно ошарашены. Вопреки их политическим гороскопам, в Белом доме снова Трумэн. По почти полным неофициальным данным, полученным из 130.309 избирательных участков (всего их насчитывается 135.855), Трумэн получил 23.388 тысяч голосов, Дьюи — 21.383 тыс., Уоллес — 1.109 тыс.

Поразительная, я бы сказал, самодовольная уверенность Томаса Дьюи и всей республиканской реакционной клики в своей победе на президентских выборах еще раз обнаруживает, как плохо они разбираются в истинных настроениях своего народа.

Простые люди США проголосовали за Трумэна не потому, что они очарованы его предыдущей политической деятельностью или его личными качествами. Нет, здесь действует «теория меньшего зла». Уж лучше Трумэн, чем неприкрытый реакционер и один из самых злостных поджигателей войны Дьюи с его откровенными антинародными фашистскими взглядами. Мрачные физиономии Даллеса, Ванденберга, Томаса, Тафта, Хартли и прочих зубров американской реакции, выглядывавшие из-за плеча Дьюи, тоже не способствовали его популярности.

Тот, кто наблюдал за предвыборными речами Трумэна, мог заметить демонстративное «полевение» его политических деклараций. По подсчетам американских газет, Трумэн произнес 272 предвыборных речи. Если первая из них была выдержана в туманном стиле корректно-бессодержательного красноречия, то в двести семьдесят второй рвавшийся к президентскому креслу Трумэн честит республиканцев «прислужниками капитала» и «монополистическими тиранами».

Когда к подобной терминологии прибегает рядовой американский гражданин из прогрессивного лагеря, это немедленно вызывает свирепые административные репрессии против него вплоть до увольнения с работы, политической травли и даже заключения в кутузку.

Трумэн даже прокламировал возврат к рузвельтовскому «новому курсу». Хоть и весьма неопределенно, но все же он обещал введение социальных реформ. Он заклеймил антирабочий и ненавистный народу закон Тафта—Хартли, одобренный Дьюи. Он усердно поносил республиканский в своем большинстве сенат за его высокомерное пренебрежение к народным нуждам, к вопросу о контроле над ценами и к проблеме нехватки жилой площади в Америке. Чтобы привлечь голоса евреев, Трумэн обещал установить дипломатические отношения с государством Израиль. Чтобы привлечь голоса негров, Трумэн обещал уничтожить расовую дискриминацию. Словом, Гарри Трумэн не поскупился на обещания!

Дьюи публично чмокал младенцев, гладил скоч-терьеров, принадлежащих избирателям, и в хриплом хоре своих верных боссов распевал сентиментальные песенки об американском процветании. Верный своему искаженному представлению об американском народе, Дьюи потчевал его в своих речах предсказаниями в кровавом атомном стиле, не замечая, что народ жаждет хлеба, жилья и прочного мира. У народа с его трезвым реалистическим сознанием есть прирожденный иммунитет против яда антисоветской клеветы. Республиканцы пали жертвой самоотравления. Им не помогли ни угрозы, ни прогнозы, ни якшанья с избирателями в кабачках, ни миллионы долларов, истраченные на предвыборные махинации.

У американского народа выбор был не велик и не разнообразен: Трумэн или Дьюи. Что касается третьего кандидата в президенты Уоллеса, то известно, каким жестоким преследованиям подвергается в США прогрессивная партия. В трех штатах (Иллинойс, Небраска, Оклахома) ее кандидаты вообще были исключены из избирательных списков. Ее сторонников под всякими предлогами лишали права голоса. Ее митинги безнаказанно разгонялись.

Из многих университетов увольняли профессоров, поддерживавших Уоллеса. В штате Джорджия, где прогрессивная партия могла рассчитывать на голоса негров, банды (очевидно, нанятые в счет того же многомиллионного избирательного фонда) подбрасывали в дома негров маленькие гробы в знак того, что негры будут убиты, если попытаются голосовать. В южных штатах негров не допускали в избирательные помещения. В городе Олстон негра Никсона застрелили в его доме на глазах его семьи за то, что он проголосовал на выборах вопреки предупреждению этих банд.

К тому же прогрессивная партия, не обладая средствами, не могла создать аппарат для проверки итоговых данных выборов, которые, несомненно, подвергались всяким махинациям на местах.

Многие миллионы неимущих американцев вообще не могли осуществить свое право голоса, теоретически признанное за ними конституцией США, так как они не в состоянии вносить избирательный налог. Другие не участвовали в выборах потому, что являются неграмотными или вследствие иных ограничений, установленных для избирателей из народных низов. Голосовало менее половины избирателей.

50 миллионов американцев не голосовали. Они поневоле немы. Но когда они обретут голос, они отдадут его за прогрессивных деятелей США.

Многие избиратели отдали свои голоса вместо Уоллеса Трумэну, боясь, что иначе пройдет Дьюи. Таким образом, нелепый парадокс системы буржуазных выборов привел к тому, что сторонники Уоллеса не голосовали за Уоллеса, чтобы не провести в президенты Дьюи.

Наконец, изрядное количество американцев не голосовало потому, что в условиях продажного, хищнического, эксплоататорского социального строя современной Америки давно уже пребывает в состоянии своеобразного политического индиферентизма.

Народ голосовал не столько за Трумэна, сколько против Дьюи. Народ забаллотировал почти всю мракобесную комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, в том числе небезызвестного черносотенца Макдоуэлла. Народ провел в палату представителей члена американской рабочей партии Маркантонио, победившего республиканца банкира Эллиса и демократа Моррисея. В штате Нью-Йорк народ провел пять кандидатов, поддержанных рабочей партией, в том числе негра Поуэлла, либеральных демократов Пфейфера, Селлера.

Трумэн пришел в Белый дом на гребне своих широковещательных обещаний американскому народу, угнетенному рабочему классу, нищающим фермерам. Как каждый делец, Трумэн привык выдавать векселя. Сейчас уже нет в конгрессе республиканского большинства, которое, по словам Трумэна, единственно мешало ему проводить социальные реформы. Скоро народ увидит, будут ли оплачены избирательные векселя или тот, кто выдал их, остался таким же банкротом, каким был до сих пор.

В тех стесненных условиях, которые ему были предоставлены, американский народ явственно заявил, что он против откровенно реакционной и наиболее агрессивной программы Дьюи. Американский народ выступает за мир, за демократические свободы, против поджигателей войны и безудержной тирании монополистического капитала.

Из зала Генеральной Ассамблеи

Подручный Бевина — Гектор Макнейл

Как только английские лейбористы пришли к власти и Бевин самодовольно опустился в кресло министра иностранных дел, он поспешил во всеуслышание заявить, что лейбористское правительство будет последовательно проводить внешнюю политику консерваторов. Для того чтобы преемственность была полной и безупречной, Бевин сохранил на прежних постах весь многочисленный старый дипломатический аппарат, разбросанный по всему миру.

В самом деле, кто же, как не воспитанники дипломатических колледжей, люди «голубых кровей», титулованные разведчики и колонизаторы могли успешно продолжать традиционную британскую политику — «разделяй и властвуй»? Кто лучше них смог бы лавировать в Вашингтоне, интриговать в Индии, подстрекать в Палестине, командовать на Ближнем Востоке, натравливать в Индонезии?

Однако в самом министерстве иностранных дел в Лондоне все же появились новые фигуры сравнительно молодых, хотя и не в меру самоуверенных людей с красными галстуками. Это лейбористское пополнение дипломатов начало бесцеремонно расталкивать локтями полысевших и поседевших питомцев Итона и Кэмбриджа, поудобней пристраиваясь по левую и по правую руку Бевина.

Среди этих лейбористских молодчиков в дипломатических фраках, осевших в Форин оффис, особенно преуспел Гектор Макнейл. Журналист по профессии, он прошел первую школу в консервативной газетенке «Скоттиш дейли экспресс». В 1935 году двадцатипятилетний Макнейл уже рискнул выставить свою кандидатуру на выборах в парламент. Вначале его парламентские порывы были бесплодны. Он провалился и в 1935 и в 1936 годах. Далее последовало ловкое прислужничество лейбористским «боссам», которые в 1941 году, в конце концов, протащили Макнейла в английский парламент.

Здесь Гектор Макнейл подучился тому английскому парламентскому лицемерию, которое так необходимо сейчас лейбористским ораторам независимо от того, выступают ли они перед голодающими грузчиками Лондона или с трибуны Генеральной Ассамблеи. Возможно, что именно в парламентском баре Макнейл окончательно пристрастился к национальному напитку — виски, который и служит ему ныне основным подспорьем в его крикливых речах. В кругах Генеральной Ассамблеи общепризнано, что по пристрастию к спиртному с Макнейлом может тягаться лишь сам Жорж Бидо.

Впрочем, не будем останавливаться на тайных, ставших явными, пороках бывшего помощника министра иностранных дел Великобритании, а теперь государственного министра Гектора Макнейла. Как-никак, «бравый шотландец»—так любит именовать себя Макнейл—состоит в ранге министра, а министры в Англии всякие бывают...

Что касается Макнейла, то он стал министром, главным образом, благодаря верности Бевину. Считают, что Макнейл особенно отличился перед своим «боссом», отправившись в 1945 году со специальной миссией в Грецию. Можно не сомневаться, что он приложил свою руку к кровавой расправе над греческими патриотами, которая под руководством англо-американских советников продолжается и по сей день. Не случайно и на нынешней сессии Генеральной Ассамблеи от английской делегации по греческому вопросу выступает все тот же специалист по «мокрым» греческим делам Макнейл. Именно он цинично называл «бандитами» греческих демократов, защищал профашистскую клику Цалдариса и кричал об английских стратегических интересах в Греции. Не случайно именно Макнейл выступал как вдохновитель греческих монархо-фашистских палачей против предложения Польши и Югославии, поддержанного советской делегацией, — о спасении жизни десяти невинно осужденных деятелей греческого профсоюзного движения.

Известно, что после Бевина самые гнусные антисоветские речи принадлежат Макнейлу. Такими речами он отличился еще на прошлогодней сессии Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорке. Когда глава советской делегации А. Я. Вышинский разоблачил Черчилля, как одного из поджигателей войны, на трибуну вскочил лейбористский защитник консервативного лидера Макнейл и, нисколько не смущаясь, начал восхвалять Черчилля. Вся его речь была враждебной Советскому Союзу. Комментируя это гнусное выступление, лондонская газета «Дейли уоркер» писала в сентябре 1947 года, что речь Макнейла инспирирована Уолл-стритом и что это выступление явилось самым ожесточенным антисоветским выпадом, сделанным британским государственным деятелем со времени окончания войны.

Делегаты нынешней сессии, присутствующие на заседаниях Политического комитета, не раз были вынуждены выслушивать длинные сумасбродные излияния Макнейла. Лейбористский министр, которого Остин и Даллес обычно выпускают к микрофону раньше себя, рьяно защищал атомную политику американских милитаристов. Изо всех сил Макнейл пытался дискредитировать советские предложения о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений.

В своих речах он не брезгует ни клеветой, ни подтасовкой фактов, ни злостными вымыслами. В этом деле он, как говорится, из молодых да ранний. Не зря именно ему поручаются ответы на запросы в английском парламенте по наиболее деликатным внешне-политическим делам.

Когда в мае этого года в палате общин были сделаны запросы о массовых казнях в Греции, то Макнейл в одном случае пролил крокодиловы слезы, а в другом прямо заявил, что все казненные «были осуждены судом по всем правилам». Каковы «правила» у палачей греческого народа и их покровителей, говорить не приходится.

Устами Макнейла британская разведка вынуждена была заявить в парламенте в апреле 1948 года о том, что пресловутый «протокол М» является грубой фальшивкой, хотя до этого тот же Макнейл утверждал совершенно обратное. В подобных случаях сей лейбористский деятель не краснеет, а если и краснеет, то не от стыда, а от виски.

Подобно своим английским и американским коллегам, Макнейл любит рекламу. Недавно лейбористский дипломат выступил в Париже с лекцией на тему «Достижения ООН в политической и социальной областях». Макнейла выпустил на сцену, предварительно покровительственно похлопав его по плечу, председательствовавший на этой лекции Даллес. Для того, чтобы поощрить своего английского прислужника, Даллес заявил, что, как он читал в справочнике, любимым спортом Макнейла является «умная аргументация». Увы!— ни ума, ни аргументации хваленый лектор не обнаружил. Но ободренный американским дядюшкой, он постарался всю свою «лекцию» построить на клеветнических вымыслах и враждебных выпадах по адресу Советского Союза. И на этот раз подручный Бевина и подпевала Черчилля был в своем обычном репертуаре. Удивляться не приходится: с кем поведешься, от того и наберешься.

Г. ПЕТРОВ

ПАРИЖ, 9 ноября. **(По телеграфу).**

Н. КРЫМОВА

АМЕРИКАНИЗИРОВАННЫЕ КВИСЛИНГИ

В послевоенные годы в норвежской литературе появилось много новых имен. Всеобщее внимание привлекла вышедшая вскоре после освобождения страны первая книга молодого писателя Сигурда Эвенсму «Беглецы». В своей, во многом автобиографической книге писатель показал, как у простых людей Норвегии, столкнувшихся лицом к лицу с ненавистными захватчиками, растут чувства национальной гордости и человеческого достоинства, пробуждается классовое самосознание, и это дает им силы мужественно переносить пытки, умереть с гордо поднятой головой — умереть победителями.

Теми же благородными чувствами были проникнуты стихи молодой поэтессы Ингер Хагеруп (сборник «Вперед»), произведения Иохана Боргена, Торборг Недреос и многих других. В тот первый период после окончания войны тема освободительной борьбы преобладала в прогрессивной норвежской литературе.

Но вскоре общее положение в стране резко изменилось, и перед писателями возникли новые задачи. Дело в том, что и в норвежской политике, и в литературе выползли на поверхность ренегаты и реакционеры, всякие кейльхау и эверлянды, об'явившие новый крестовый поход против коммунизма, против Советского Союза — великой страны, не только связанной узами дружбы с маленькой Норвегией, но и принесшей ей избавление от немецкого ига. Услужливые пособники англо-американских империалистов начали на все лады твердить, что Норвегия «неразрывно связана с западной культурой» и «западной формой демократии». Болтовня эта, по существу, сводилась к пропаганде «плана Маршалла» и подготовляла почву для полного экономического и политического закабаления Норвегии американскими экспансионистами.

Вполне естественно, что в этой обстановке перед передовыми норвежскими писателями возникла насущная, жизненно-важная задача — дать отпор новым душителям свободы их родины. Среди произведений, активно вторгающихся в жизнь нынешней Норвегии, пожалуй, наиболее яркими и поучительными являются два романа: «Тропа любви» Иохана Боргена и «Он нажился на войне» Эйвина Болстада.

В «Тропе любви» действие происходит в маленьком провинциальном городке, вернувшемся к мирной жизни. «Отцы города» — предприниматели и торговцы, хотят убедить местных жителей в том, что фашизм разбит и поэтому больше не опасен. «Мы живем в демократическом свободном обществе», — говорят они. Между тем, прикрываясь маской лицемерного миролюбия и благодушия, они ведут упорное наступление на демократические свободы, подготовляют возрождение партии, «которая еще не забыла периода своего величия во время оккупации, и призывает не отступать от своих идеалов в ожидании появления нового фюрера». Этой возрождаемой партии предателей «почтенные» граждане города оказывают всемерную материальную поддержку.

С возмущением и сарказмом разоблачает Иохан Борген предательскую сущность политики правых социалистов, которых с распростертыми об'ятиями принимают крупные буржуа, убедившиеся, что эти «социалисты» готовы лизать им подметки.

Проблема отпора реакции еще острее поставлена в романе Эйвина Болстада «Он нажился на войне». Писатель показывает, как военные преступники, предатели родины, нажившие миллионные состояния, сотрудничая с немцами, остались безнаказанными. Многие квислинговцы, убедившись после разгрома немцев под Сталинградом в неизбежности поражения фашизма, быстро «перестроились», стали так называемыми «гребцами» — как норвежский народ метко окрестил тех, кто, почуяв приближение гибели своих хозяев, своевременно начали «грести на правильный берег». Ловкие «гребцы» ухитрились даже украсить свою грудь орденами за мифические патриотические подвиги и в качестве «героев сопротивления» захватили руководящие посты в важнейших отраслях норвежской экономики и политики. Не все предатели, однако, успели во-время «сменить лошадь». Казалось, что возмездие за совершенные преступления совершенно неизбежно постигнет их. Но и для них был найден спасительный выход. Услугами этих людей охотно пользуются новые заокеанские хозяева. Предателей перекрашивают под «истинных патриотов», они же, в знак признательности, становятся послушным оружием в руках своих благодетелей — ярыми пропагандистами политики развязывания новой войны.

«Расстрелянные не говорят, замученные молчат. Вдовы устали плакать. На стенах — портреты погибших, под ними медали. Но скоро их снимут и положат в ящик... Наступили будни», — с горечью пишет Болстад.

Основные события в романе происходят на большом военном заводе. Рабочие об'являют забастовку, требуя предания суду директора завода Людвига Крама за сотрудничество с немцами. Крам и его тесть Гофман, владелец завода, нажившие миллионы на поставках немцам минных замков и печей для бараков, развертывают продуманную до мельчайших деталей кампанию за спасение своего «доброго имени». В ход пускаются подкуп, клевета, попытки опорочить вожаков забастовки, и, наконец, нажимается основной рычаг: Крам предлагает свое сотрудничество агенту иностранной разведки и одновременно видному норвежскому государственному деятелю — Арнольду Сейму. Между ними происходит цинично-откровенный разговор.

«Мы вступили в атомный век, — говорит Сейм. — И мы теперь другие. Все изменилось. Также и чувство патриотизма, господин Крам. Любовь к родине не воплощается более в представление о защите с оружием в руках любимых нагор. Сегодня любовь к родине — это стремление сохранить существующий общественный строй... Самое важное для норвежца — ясно понимать, где наше место на европейской карте».

Изменник Сейм лицемерно поучает предателя Крама, что «чувство патриотизма не должно лишать человека перспективы». А эта «радужная перспектива» заключается в том, чтобы заранее обеспечить место Норвегии в будущей войне. «Как Испания и Греция», — определяет Крам.

Появление обоих романов и широкий отклик, который они получили у демократического читателя, говорят о большой политической значимости поставленных в них проблем.

Как известно, в начале июля этого года норвежское правительство подписало двухстороннее соглашение с Америкой; тем самым Норвегия стала одной из «стран плана Маршалла». Собственно, слово «двухстороннее» дает неправильное представление о договоре, поскольку право решения любых вопросов принадлежит исключительно американцам. Они определяют не только размер и характер «помощи», но и назначают своего администратора, который должен наблюдать за экономикой, финансами и внешней торговлей Норвегии.

Подчиненное, зависимое положение Норвегии с совершенной очевидностью зафиксировано в каждом пункте «двухстороннего соглашения».

В этих условиях произведения Боргена и Болстада говорят о том, что лучшие писатели Норвегии высоко держат знамя общественно-прогрессивных традиций своих славных предшественников и мужественно стоят в первых рядах борцов за свободу и независимость своей родины, за истинную демократию и мир. Это подлинный голос норвежского народа.

Говард ФАСТ

В ТИСКАХ ХОЛОДНОГО ТЕРРОРА

Когда мы говорим о терроре, охватившем сегодняшнюю Америку, реакционеры, небрежно усмехаясь, заявляют, что в США никого не преследуют за исключением, быть может, нескольких коммунистов, которые, мол, получают по заслугам.

Линчевание негров на юге и расправы с ними на севере, по уверениям реакционеров, лишь довольно древняя, хотя и специфически американская «слабость», которая отомрет со временем, если не обращать на нее внимания; что касается избиений и убийств бастующих рабочих, то, по словам тех же реакционеров, это либо следствие «коммунистического подстрекательства», либо неизбежный придаток современного промышленного развития.

Но террор осуществляется в гораздо более широких масштабах, о чем можно судить по упомянутым выше его зловещим проявлениям. Истина заключается в том, что вся страна находится в тисках холодного террора и жесточайших репрессий.

Это — не безответственная риторическая фраза. Недавно Национальный совет работников науки, искусств и свободных профессий начал расследование проявлений террора в одной лишь области американской жизни — в высших учебных заведениях. По этим вопросам не ведется никакой статистики. Газеты не уделяют им почти никакого внимания. С огромными трудностями, тщательно проверяя дошедшие до нас слухи и собирая информацию непосредственно из университетов, мы установили следующие факты, и у нас есть все основания считать, что они являются лишь частью общей картины.

Д-р Джордж Паркер — преподаватель философии и теологии в частном методистском колледже в Эвансвилле (штат Индиана). Через два дня после того, как он председательствовал на предвыборном собрании местной организации прогрессивной партии, руководство колледжа предложило ему уйти в отставку. Основания для этого требования: «политическая активность» Паркера.

Д-р Кларенс Атэрн — профессор философии и социальной этики в колледже Ликоминг (штат Пенсильвания) — отстранен от работы за то, что вступил в члены прогрессивной партии.

Профессор Джеймс Барфут из университета штата Джорджия уволен за то, что принял предложение прогрессивной партии выдвинуть его кандидатуру в губернаторы штата.

Д-р Леонард Коэн младший — профессор университета в Майами (штат Флорида)—уволен, так как активно поддерживал Уоллеса. Профессор Даниэль Д. Ашкеназ освобожден от работы в университете в Майами по той же причине.

Профессор Дон Уэст изгнан из Оглторпского университета (штат Джорджия) за активную деятельность в прогрессивной партии.

Профессор Клайд Миллер был уволен из учительского колледжа при Колумбийском университете, когда он стал членом национального комитета борьбы за избрание Уоллеса.

Профессор Лимэн Р. Брэдли, бывший заведующий кафедрой древнегерманских языков в Нью-Йоркском университете, отстранен от работы за деятельность по оказанию помощи беженцам-антифашистам.

Как я уже говорил, это лишь наспех собранные данные краткого расследования, которое охватывает факты лишь самого последнего времени. Материалы о подобных же фактах продолжают поступать, а, кроме того, разумеется, многие случаи, когда люди поддаются нажиму и запугиванию, нигде не регистрируются. Так, например, в Северо-Западном университете 25 профессоров были принуждены прекратить активную работу в прогрессивной партии, а в университете штата Вашингтон некоторых профессоров запугивали привлечением к ответственности перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности.

Можно, однако, привести примеры, когда руководители колледжей отказываются подчиниться этой чудовищной процедуре. В частности, следует указать на дело прогрессивного профессора Фредерика Л. Шумана из колледжа Уилльямс. Когда реакционная группа выпускников потребовала его отставки, президент колледжа Бакстер ясно дал понять, что, хотя колледжу в виде репрессии угрожают лишением дотации в 2,5 миллиона долларов, он будет защищать профессора Шумана и его право на свободу слова.

Впрочем, случаи такого проявления мужества и независимости со стороны руководителей высших учебных заведений довольно редки.

Какое издевательство говорить о свободе выборов в подобной обстановке! Или мы настолько уже привыкли к репрессиям, что подобные вещи проходят незамеченными? Мы посвящаем целые акры газетной бумаги любой чепухе, в то время как из-под наших ног уплывает самая почва, на которой зиждутся наши традиции. Как не вспомнить о том немецком бургомистре, который покончил с собой после того, как наши военные показали ему изнутри гитлеровский концентрационный лагерь. Хотя этот лагерь находился возле его города, он не имел представления о том, что там происходило.

Должны ли мы итти этим же путем?

США.

Творчество талантливого народа

Заметки с выставки польского народного искусства и художественных ремесел

У входа в один из выставочных залов на высоком постаменте стоит вырезанная из дерева фигура «Жницы». Слегка прищурив глаза, смотрит она на посетителей.

А рядом развешаны, расставлены, разложены на подставках и креслах удивительные творенья рук, таких вот, как она, трудовых женщин Польши. Из простой цветной бумаги созданы тончайшие ажурные вырезки, как золотая «лелюя» с петушками или целая жанровая сценка, изображающая сельскую свадьбу. Именно такие женщины сшили красочную одежду краковчанки, с бархатным малиновым корсажем, обшитым галунами, бисером, кистями, с нарядным передником. Это они создали узорную роспись мазурских покрывал и выразительно воспроизвели в глине фигурки птиц и животных, остроумно придав им живую характерность басенных персонажей.

Все, что мы видим на выставке польского народного искусства и художественных ремесел, открывшейся несколько дней назад в Москве в залах Академии художеств СССР, это — творчество «простых людей», талантливого народа, развивающего свою самобытную культуру, имеющую очевидную общность с культурами других славянских народов.

Деревянная фигура «Жница» работы Войцеха Драка из Вержбны, Ржешувского воеводства, глубоко символична. Она как бы олицетворяет тяжелое прошлое страны и ту великую силу, которая даже в самые трудные времена таилась в народе.

Польша, освобожденная героической Советской Армией, быстро восстанавливает разрушения, причиненные ей войной. Сейчас в свободной Польской республике существуют все условия для развития творческих сил народа, для расцвета свободной и независимой национальной культуры. И московская выставка является как бы творческим рапортом братского славянского народа о его успехах в этой области.

Народное творчество всегда многообразно. Различные условия жизни, различная природа накладывают свой отпечаток на искусство народа.

Закопанские горцы (Краковское воеводство) показали на выставке образцы своей одежды. На льняной сорочке и кафтане — строгая вышивка. Красные суконные брюки, из толстой кожи сделан пояс. Неизменные фетровая шляпа и трубка — обязательная принадлежность каждого горца — дополняют костюм жителя Татр. А рядом — горская трость-топорик и скрипка, также сделанные закопанцами. Это не просто вещи бытового обихода — это прекрасные произведения искусства.

На выставке богато представлены утварь и ткани, живопись и керамика, резьба по дереву и вышивки.

Подолгу задерживаются посетители перед работами Янины Васевич, жительницы Варшавы. Янина Васевич делает куклы. На стенде в танцовальном «па» застыли краковчанин и краковчанка, торжественно выпрямился житель Силезии в традиционном шахтерском костюме, остановился на пути широкоплечий житель берегов Балтики — Кошуб. Художнице удалось передать не только особенности национальной одежды представителей разных районов Польши. Куклы Васевич отлично передают характер народа — стойкий, жизнелюбивый и гордый.

Хочется от всего сердца пожелать новых творческих удач талантливому народу, свободно и независимо строящему сейчас свое демократическое государство.

Марк СОБОЛЬ

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02696.